Дарья Кузнецова

Янтарь в болоте

Дарья Кузнецова

Янтарь в болоте

«Автор»
2026

Кузнецова Д.

Янтарь в болоте / Д. Кузнецова — «Автор», 2026

Огненная алатырница Алёна Еманова из рода пластунов жила и не тужила. Несла службу у Граничного Хребта, звёзд с неба не хватала и жизнь свою менять не хотела. Но волею главы Разбойного приказа Вьюжина она вынуждена оставить службу и ехать прямиком в великокняжеский дворец, чтобы...А вот зачем - не понять. Боярин Вьюжин что-то серьёзное задумал и рассказывать Алёне ничего не намерен, девицы из свиты княгини невзлюбили с первого взгляда.Но главное, есть тут человек, которого она пусть и мечтала, но не думала встретить. А княжеский дворец хоть и велик, да только судьбу всё одно не обманешь!

© Кузнецова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Княжеская воля 5
Глава 2. Княжеский дворец 14
Глава 3. Княжеская жена 26
Глава 4. Княжеский воевода 35
Глава 5. Княжеская дружина 46
Г 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Дарья Кузнецова
Янтарь в болоте

Глава 1. Княжеская воля

Дорогу к хозяйскому дому Алёне легко указали в ближайшей деревне. Словоохотливый мальчишка за недолгий разговор успел предупредить о жуткой ведьме, которая там живёт, жрёт заезжих путников и вообще страшна, как сердце Болота, и несколько раз спросить, зачем девушка туда едет. Та только отмахнулась от всех предостережений и вопросов — ведьм не боится, едет за надом, а от любопытства кошка сдохла.

Не говорить же пострелу, что и сама толком не знала, зачем провела в седле минувшую седмицу. Человек военный, подневольный, велено прибыть в господское поместье близ деревеньки Вершки, что к северу от города Старокузнецка Горького уезда, — она и поехала. Да ещё какой приказ пришёл — с великокняжеской печатью, на белоснежной бумаге с золотым тиснением, в руки брать страшно. Хотя лучше бы он был попроще, но поподробнее.

За время пути Алёна успела выяснить, что поместье принадлежит уездному князю Краснову и служит вдовьим домом, в котором коротает дни его старая мать. Говорили и о том, что князь, человек ещё нестарый и крепкий, совсем недавно умер, оставив молодую вдову бездетной. Версий его скоропостижной гибели на девушку за время дороги вывалили с полтора десятка, от дурной болезни до гнева духов, так что судить о правде она не бралась — чернук ногу сломит, где уж простому человеку понять.

^Чернук — злой пакостливый дух, который толкает под локоть, заставляя ронять вещи, и под колено, отчего конь или человек спотыкается. Сам, говорят, крайне ловок.^

Да и не волновала её судьба уездного князя. С чего его жалеть, чужого человека? Не за дело ли его к Матушке на поклон отправили прежде срока? Гораздо важнее было понять, зачем и кому в поместье вдруг понадобилась сама Алёна? Всю дорогу она себя об этом спрашивала, всю дорогу придумывала ответы и отбрасывала как глупые и невозможные, извелась совсем.

Но вот наконец и доехала, и, слегка робея, направила свою коренастую гнедую кобылу к настежь распахнутым воротам, с любопытством оглядываясь и всё больше разочаровываясь в увиденном.

Во дворе никого, но выметено чисто, и куры где-то совсем рядом квохчут, так что хозяйство точно не брошенное. Старый терем, добротный, но не так чтобы очень большой. Не княжеский, каким Алёна его себе представляла. Восьмерик в три этажа с высоким висячим крыльцом, справа к нему — большой сруб в два яруса с гульбищем понизу, подзоры и наличники с искусной резьбой, а больше и отметить нечего. Даже в родной станице Алёны дома побогаче попадались.

Рассудив, что, коль её сюда вызвали, можно в воротах не топтаться, Алёна спешилась посреди двора. Подобрала стремена и повод, ослабила подпруги, в ответ на что Свечка шумно всхрапнула и несколько раз переступила задними ногами, словно приплясывая.

— Надеюсь, нас отсюда не выгонят взашей, а? — спросила Алёна, задумчиво похлопав кобылу по влажному от пота плечу.

Почистить бы её, бедную! И себя тоже. Лето в разгаре, дождя всю неделю не было, пылища аж на зубах скрипит.

— И вот с этим мне предстоит дело иметь? — Вдруг прозвучавший голос был старческим, резким, но сильным и громким.

Алёна вздрогнула от неожиданности, выглянула из-за преградившей обзор кобылы. И помянула деревенского мальчишку добрым словом, потому что иначе как злобной ведьмой стоящую на ступенях крыльца старуху не назвала бы и она сама.

Сухая, сморщенная, но спина прямая, как будто аршин проглотила. Чёрная юбка, чёрная душегрейка поверх чёрной рубахи, чёрный платок на голове — и как только не жарко в такую погоду! Опиралась старуха на кривую трость с блестящим набалдашником, рассмотреть который было невозможно.

— Здравия желаю, хозяйка! — ответила Алёна, привычно вскинула правую руку к левому плечу ладонью и коротко поклонилась. Старуха в ответ на это поджала губы куриной гузкой. — Хорунжий пятой Моховой заставы Алёна Еманова по княжескому приказанию прибыла!

— Помоги нам Матушка! — проворчала вместо ответа старуха и сотворила охранное знамение.

— Зря ты так, Людмила Архиповна, — прозвучал мужской голос, и из тени на крыльце выступил ещё один человек, до того остававшийся незамеченным. И явно не по невнимательности Алёны, она готова была поручиться, что без чар не обошлось.

Мужчина тоже был немолод, но, очевидно, всё же моложе хозяйки. Полноватый, с округлым сытым лицом, морщин на котором было совсем мало. Дугами выгнутые седые брови придавали ему добродушное, немного удивлённое выражение. Только оно не производило на Алёну того располагающего впечатления, которое могло бы: под пристальным взглядом голубых глаз девушке становилось всё больше не по себе и огонь в крови бурлил, волновался.

Одет мужчина был строго, но чувствовалось — богато. Блестящие сапоги из отличной кожи, по последним столичным веяниям узкие светлые штаны, шитый серебром по серому кафтан, снежно-белая рубашка тоже с серебром. Покроем кафтан был как войсковые парадные, вот только цветами и отделкой отличался. Мелькнуло смутное ощущение узнавания, будто когда-то что-то такое Алёна встречала или слышала, но ухватить эту мысль она не успела.

— Несправедлива ты. Девица с дороги, несколько дней в седле, — говоря это, мужчина не спеша спустился по лестнице, вальяжно приблизился. Свечка нервно всхрапнула, и Алёна шикнула на неё, хотя мысленно согласилась: ей этот тип нравился ещё меньше старухи. — В остальном — хороша. Стан стройный, румянец живой, и посмотри, какая корона смоляная богатая, никаких каменьев не надо!

— С кем имею честь? — не выдержала Алёна, стараясь не выпускать этого, второго, из поля зрения. А он двигался вокруг, разглядывая её словно кобылу на ярмарке.

— Зови меня пока Алексеем Петровичем, — представился он, чему-то улыбаясь уголками губ. — Хозяйка, а прислуга-то где? Лошадку бы забрать, Алёну в покои проводить. Забыла, что ли, в своей глуши правила гостеприимства? Накорми, напои, в баньке попарь, а потом расспрашивай.

Старуха повелительно стукнула тростью, и в ответ на это, как по волшебству, из неприметной боковой дверцы выскочили двое. Хмурый высокий мужчина средних лет, который молча взял лошадь за повод, Алёна едва успела подхватить с седла перемётную суму. Светловолосая молоденькая девушка, почти девчонка, в длинном сарафане и с зелёной атласной лентой в волосах остановилась рядом с Алёной, поклонилась хозяйке и мужчине и только потом обратилась к гостье, любопытно блестя глазами:

— Пойдёмте, сударыня, проведу в покои.

— Ступай, после разговоры. — Алексей Петрович повелительно взмахнул рукой, блеснул камень на перстне — крупный, тёмно-красный, что запёкшаяся кровь. Опять мелькнула какая-то мысль и опять ускользнула.

Алёна по-уставному попрощалась и пошла за девушкой к крыльцу, мимо старухи. Та смотрела так, будто Алёна обокрала её или в чём-то ещё провинилась, — холодно, зло, с отвращением.

— Как тебя зовут? — обратилась она к провожатой, когда дверь терема закрылась за спиной.

— Марьяна, сударыня.

— А я Алёна, и давай на ты. Скажи, а Алексей Петрович, кто он?

— Не знаю, он только прошлого вечера прибыл, — охотно отозвалась служанка. — Но птица, по всему видать, грозная, тайной тропой пришёл и с хозяйкой вон как разговаривает, а она — терпит и не спорит. И страшный такой, как зыркнет — душа в пятки! Хотя держится вежливо, рук не распускает, да и языка тоже. Насмешничает этак снисходительно, но не обидно, не зло.

— Марьяна, а что с князем случилось? — попыталась алатырница воспользоваться возможностью и узнать ответ хоть на один из своих вопросов.

^Алатырники, иначе, янтарники — волшебники, одарённые всевозможных талантов. Янтарь считается чародейским камнем.^

Девушка ещё больше оживилась и принялась с воодушевлением делиться тем, что знала. Впрочем, многого рассказать она не могла, умер князь не здесь, а в главном имении совсем в других краях. Но всё же ей было больше веры, чем встреченным в дороге болтунам. По словам Марьяны, умер Краснов от удара по голове прямо в доме, и случайностью это не было. То ли воры залезли, то ли враги какие-то — непонятно. Но то, что жена молодая князю в дочери годилась, служанка считала дурным знаком и хотя прямо о том не говорила, но вдову явно подозревала.

Алёна обсуждать это не стала, но сомневалась, что молодая женщина так стремилась лишиться богатого мужа. Успела бы наследника родить — другой разговор, а нынче ей одна дорога оставалась, обратно в отчий дом вместе со всем приданым. Нестыдная участь, но и сладкой не назовёшь. А с другой стороны, большой вопрос, каким покойный князь был человеком и с охотой ли бедняжка пошла за него замуж?

В одном только алатырница уже почти не сомневалась: приказ ей прибыть сюда как-то связан именно со смертью князя, потому что больше ничего интересного или важного окрест не случалось. И ещё какое-то дело, которое собиралась иметь с ней старая княгиня. Почему именно с ней? Навряд ли поближе алатырников не нашлось, не такая уж она необычная, жёлтый янтарь — не редкость. Сильная, но и посильнее бывают. Коль уж жутковатому Алексею Петровичу нетрудно по надобности тайной тропой пройти, то огненного алатырника поближе сыскать не проблема. А какой с неё ещё прок? И почему этот мужчина расхваливал её внешность?..

Дурное предчувствие и нехорошие подозрения горячили кровь и подзуживали плюнуть на всё, прыгнуть на лошадь да удрать отсюда так быстро, чтоб только подковы сверкали. Но — увы, княжеский приказ держал надёжнее кандалов.

Алёна утешала себя тем, что служба — это всё-таки служба, а не приговор, так что потребовать от неё чего-то мерзкого и от этой самой службы далёкого даже великий князь не сможет. И постаралась пока отогнать тревожные мысли, сосредоточившись на простом и понятном. Например, на возможности наконец смыть с себя дорожную пыль.

Тем более устроили гостью лучше некуда. Просторная светлая спальня, при ней отдельная уборная и мыльня с водопроводом и большой ванной, чему Алёна порадовалась особенно. Марьяна показала, как с чем управляться, и унесла с собой грязную одежду, заверив, что всё

вычистят и вернут. Алёна и сама бы справилась с этим делом, но настаивать не стала. Кто по доброй воле откажется переложить стирку на чужие плечи?

С огромным наслаждением алатырница разобрала волосы, в дорогу тщательно уложенные вокруг головы, и задержалась в мыльне на добрый час. Здесь было всё что нужно: и душистое цветочное мыло, и мочало, и большой отрез хорошего белого льна, который мог бы стать нарядной рубахой, а здесь им предлагалось обтираться после мытья. Ну... князья, что с них взять. Ощутив наконец чистоту, выполоскав из волос пыль и смыв с кожи въевшийся пот, она совершенно разнежилась и успокоилась.

Жаль, баньку Алексей Петрович помянул только для красного словца. Растопить бы пожарче, да чтобы веничком кто-то отходил от души, а из неё — в озеро. Какая у них на заставе баня, эх!.. Но жаловаться было стыдно, она бы и корыту да шайке тёплой воды от души порадовалась.

Тщательно просушив после мытья кожу и ещё тщательней — густые длинные волосы, заметно потяжелевшие от воды, сначала тканью, и только после — чарами, Алёна босыми ногами прошлёпала по чисто выскобленным доскам пола в спальню. Её сумки так и лежали, брошенные, в углу у резного сундука, а на сундуке кто-то успел разложить чужие вещи — исподнее из коротких штанишек на завязках и тоненькой сорочки без рукавов, белоснежную верхнюю рубашку, узорчатый голубой сарафан в пол. Гостья с интересом пощупала богатую ткань, застыла в нерешительности.

Наряд оставили явно для неё, тут и думать нечего. И в других обстоятельствах она бы только порадовалась такой красоте, и примерила, и перед зеркалом покрутилась, благо тут было подходящее — новое, светлое, в рост. Уж больно хорош наряд, руки так и тянутся. Служба службой, а за её пределами Алёна, как любая девушка, не прочь была принарядиться.

Но молодой алатырнице очень не нравилось, что происходило сейчас вокруг, а неприятности сподручнее было встречать в привычной удобной одежде. Тем более выбор-то ей предоставили, личные вещи не забрали, даже сапоги успели вычистить и вернуть.

Колебалась Алёна недолго и в конце концов полезла за своими вещами в суму. Приказа надеть сарафан не было? Не было и быть не могло, а значит, лучше поскромнее, но — своё. Матушка знает, чем за принятый подарок плату потребуют.

Смена белья, узкие тёмные штаны, чистая рубаха, сменный тёмно-зелёный кафтан — почти новый, его девушка берегла и в дорогу предпочла надеть старый, потёртый, залатанный, какой не жалко. Всё по одному привычному образцу, как пограничники носили. К поясу — длинный кинжал, который всё мытьё пролежал на лавке, под рукой: расставаться с оружием дед отучил крепко. Всегда приговаривал, что товарищ упадёт, друг предаст, а шашка да кинжал — до смерти верны. Шашка ей, как алатырнице, не полагалась, да и глупо это, не женское оружие. В учёбе одно дело, дед на всякий случай натаскивал старательно, но в серьёзном бою невысокая девушка настоящему воину не соперница. Так зачем дразнить судьбу? Другое дело — хороший, по руке, кинжал.

Волосы она собрала в тугую косу, крепко перевязала. Остригла бы во время учёбы по примеру некоторых других девушек, но рука не поднялась, жаль стало. Стриглись те, кому и беречь особо нечего было, не одарила Матушка хорошей косой, а ей богатство такое отрезать — настоящее кощунство. Да и бабка бы небось отхлестала за то, что красоту не сберегла. Тяжело носить и мыть морока, но если хорошо убрать — то почти и не мешают.

Сидеть просто так, да ещё голодной с дороги, и ждать, пока про неё вспомнят, Алёна не стала, сама вышла из покоя в надежде узнать путь к кухне, а там без ломтя хлеба да миски каши всяко не осталась бы. Но проходившая мимо с большой корзиной в руках крупная немолодая женщина, у которой алатырница намеревалась узнать дорогу, очень обрадовалась встрече, сказала, что гостью давно ждут, и проводила немного.

Горница, куда Алёну привели, была убрана богато, все стены в резьбе и затейливой росписи, но выглядела угрюмой норой. Окна через одно закрыты глухими ставнями, печь в изразцах — зелёных, под малахит, и мебель тёмная: частью из старого дуба, частью из густо-зелёного болотного дерева, ценного и дорогого, которое славилось своей прочностью и долговечностью, даже в постоянной сырости не гнило. Скамья с резной спинкой перед печью, тяжёлые сундуки вдоль стен, посередине — стол с шестью высокими стульями вокруг вместо привычных лавок. Его устилала богатая шитая скатерть, но отчего-то не белая, а тёмно-синяя.

Самым светлым пятном был резной, из солнечной липы, лик Матушки в красном углу, с тёплым янтарным светцем перед ним, окружённый идолами её старших детей. Алёна сначала вежливо поклонилась хранителям дома, потом — опять вскинула руку к плечу, приветствуя хозяйку.

Та сидела во главе стола, справа от неё — Алексей Петрович. Старая княгиня снова смерила гостью недовольным взором и опять молча поджала губы, а мужчина бросил на хозяйку насмешливый взгляд.

— Садись, девица Еманова, с дороги, должно быть, голодна, поешь. — Он небрежно махнул на стул напротив себя.

Алёна села куда велели и от еды не отказалась. Под колючим и недовольным взглядом «злой ведьмы» и насмешливым — её гостя кусок в горло не лез и норовил встать поперёк, но девушка уставилась в тарелку и сосредоточилась на предложенных яствах. Взглядом княгиня не прожжёт, не алатырница, а остальное можно и потерпеть. И вскоре девушка сумела отвлечься от тех, кто сидел с ней за столом, благодаря голоду и вкусу блюд, который оказался выше всяких похвал.

Правда, ненадолго.

— Ну хотя бы аккуратная, — выцедила старуха, и Алёна едва не поперхнулась от неожиданности.

— Так не звали бы за общий стол, — огрызнулась она, прожевав.

— Не звала бы, — недовольно подтвердила та и метнула злобный взгляд на мужчину.

— Людмила Архиповна, — с мягкой улыбкой и ленцой в голосе заговорил он. — Если его великокняжеская светлость вынужден решать те проблемы, которые оставил после себя ваш сын, потрудитесь хотя бы изобразить благодарность к его усилиям.

— Стыдить покойника — ума не надо, — резко возразила княгиня.

— Вы желаете обсудить степени вины? Или имеете иное решение? Так поделитесь. — Алексей Петрович выразительно выгнул брови. Из глаз и уголков губ пропала улыбка, и словно стужей потянуло по горнице.

— Всё в воле княжеской. — Тонкие морщинистые губы старухи опять сложились в куриную гузку, но продолжать спор она не осмелилась.

— Славно. Скажите, Алёна... Ивановна, верно? Почему Ивановна, кстати?

— В честь деда, он мне отца заменил, — ответила алатырница, прочистив горло, чтобы голос не сорвался.

— Забавно совпало. Матушка ваша погибла в стычке с болотниками, а отец?

— Понятия не имею. — Алёна пожала плечами.

Поворот разговора ей совершенно не понравился. По дороге она об этом думала, но не всерьёз, а коли сейчас Алексей Петрович заговорил… Нет, лучше бы эти двое продолжали между собой собачиться!

Хозяйка дома скривилась ещё сильнее, и от внимания мужчины это не укрылось.

— Что, Людмила Архиповна, не одобряешь? Честно и явно — гадко, а когда никто, кроме кобыл на конюшне, не видит, как с конюхом на душистом сене обнимаешься, — и стыда не емлешь?

Взгляд старухи полыхнул жгучей ненавистью, но она смолчала и едва прикрытое оскорбление проглотила. Видимо, возразить было нечего.

Права была Марьяна, хозяйка гостя своего, по всему видать, боится жутко. И ненавидит. Да так, что Алёна на его месте в этом доме ни есть, ни спать не отважилась бы, а он ничего, насмехается. И никакого уважения к старой княгине не питает, и как будто с особенным удовольствием издевается над ней на глазах девушки, которую хозяйка с первого взгляда невзлюбила.

Видать, давно эти двое знаются, и знакомство то простым не назовёшь.

— Не будем отвлекаться, — сам себя вернул к прежнему разговору мужчина. — Ты уже, должно быть, знаешь, что уездный князь Краснов был убит и прямых наследников не оставил?

— Слышала такое, — ответила Алёна.

— Есть два равноправных наследника, дядя покойного и племянник, сын родной сестры. Обоих великий князь знает, обоим не доверяет.

— И что нужно сделать мне?

— Помочь понять, кто из них замешан в убийстве князя, разумеется. — Алексей Петрович смотрел на девушку с такой мягкой и ласковой улыбкой, что невольно казалось: сейчас уголки губ растянутся до ушей, обнажатся два ряда острых треугольных зубов, пасть разинется и откусит Алёне голову. — Великий князь выбрал наследницей тебя.

— Вы думаете, моим отцом… — Девушка всё-таки попыталась озвучить это тревожное подозрение, но осеклась, бросив напряжённый взгляд на разгневанную хозяйку.

— Я не думаю, девица Алёна, я знаю, — веско проговорил мужчина. — И он прекрасно знал. Всё давно алатырниками проверено, не сомневайся. Видишь ли, встреча с твоей покойной матушкой оказала на молодого княжича сильное влияние, он долго не мог её забыть. Когда скончался его властный отец, решился свою прекрасную станичницу отыскать, но было поздно, нашлась только ты. Не одинокая, сытая, в семье под приглядом, и вмешиваться никто не стал. Хотя родство он признал, пусть и тайно. За тобой эти годы присматривали, и сейчас ты оказалась очень полезна… Что такое, девица Алёна? Ты как будто не рада?

— Я не хочу быть чьей-то наследницей, мне и так неплохо, — не стала лукавить она.

— Дрянь безродная! — процедила старуха. — Ей княжество на блюдечке, а она ещё нос воротит!

— Да пропади оно пропадом, княжество ваше! — в сердцах ответила Алёна, едва сдержавшись, чтобы не вскочить на ноги. — Род свой я знаю, дед мой из лучших пластунов на Границе, и отец его был, и дед, и матушка моя — алатырница не из последних. А кто там в наш род со стороны приблудился да семя бросил — так мне это знание без надобности!

— Мерзавка! — ахнула хозяйка, крепче вцепилась в свою трость — того гляди удар хватит. Или сама старуха хватит тростью языкастую внучку. — Как смеешь!..

— Силком княжий титул никто тебе не суёт, девица Алёна, — вмешался Алексей Петрович, когда старуха захлебнулась негодованием. Его не просто забавляла ссора, он поглядывал на обеих её участниц со снисходительной насмешкой и явно был крайне доволен. И, похоже, именно такого исхода ждал. — Приказ великого князя — поспособствовать установлению истины. А там, коли во вкус не войдёшь, передашь право невиновному.

— Как подсадную утку использовать хотите? — спросила алатырница, заставила себя расслабить пальцы и выпустить вилку, в которую во время разговора непроизвольно вцепилась, словно готовясь защищаться или даже нападать.

— Боишься, девица Алёна? — с улыбкой спросил он.

— Хочу знать, что делать нужно, — возразила та резко. Запоздало встревожилась, не попадёт ли ей за слишком длинный язык, однако задиристость и несдержанность её собеседнику, против ожидания, явно нравились.

— Похвально. А делать... вид, что очень хочешь княгиней стать. Жениха искать подходящего, родовитого. Должна понимать, девку молодую никто княжеством управлять не посадит, какого бы рода она ни была. А если кто избавиться от тебя пожелает — так мы его сразу и возьмём за химо. Коли не струсишь.

— Не струшу, — заверила Алёна. — Только притворяться я не умею, дурная из меня лицедейка. И княжеская дочка справная не выйдет.

— Знамо дело, — согласился Алексей Петрович. — Я ж тебя давно подумывал к себе забрать, но потому и не стал: норов. — Он со смешком качнул головой.

— К себе? — насторожилась она.

— В Разбойный приказ, хорошие алатырники мне тоже нужны.

И Алёна наконец сообразила, с кем имеет дело, только легче от этого не стало. Но хоть ясно, чего от него так холодом тянет... Вот уж где говорящая фамилия!

Боярин Вьюжин командовал Разбойным приказом дольше, чем Алёна жила на свете, и слухи про него ходили самые разные. Редкого дара алатырник — синий янтарь, с ледяным пламенем в крови, одним взглядом заморозить может буквально, а не иносказательно. Поговаривали, власти у него в Белогорье побольше, чем у великого князя. Поговаривали, молодость на границе провёл и болотники крепко его боялись. Звали его бессердечным, замороженным, твердили, что жену свою уморил и детей чуть не в застенках сгноил. Но последнее вызывало особенно много сомнений, потому что даже количество этих детей в разных слухах не совпадало.

— Но ты всё же постарайся. А коли совсем кто не поверит в твоё желание княжить — скажи, великий князь тебя неволит. Краснов, мол, говорил, что тебе в нём доверия больше. О службе своей не болтай, и о даре тоже — скрытый, он пользу скорее принесёт. От роду тебе семнадцать, росла ты не как репей придорожный, а в хорошем доме, под приглядом, учили тебя всему нужному, — размеренно заговорил Вьюжин. Всё явно было продумано раньше, и всю беседу мужчина подводил именно к этому. — На юге, уж больно говор у тебя приметный, такой не спрячешь. Я оставлю бумаги, выучишь. А о том, чтобы достойно держалась в княжеском дворце и хоть видимость приличий блюла, любезно позаботится Людмила Архиповна в грядущие четыре дня. И если она вдруг позволит себе лишнего или окажется недостаточно старательной, я об этом быстро узнаю.

— Чтоб ты в болоте сгинул! — выплюнула старуха.

— Бывал, княгинюшка, не единожды, — по-волчьи улыбнулся Вьюжин. — А твоё старание, княжна, будет вознаграждено, не сомневайся. За сим позвольте откланяться, сударыни, служба.

Алёна проводила главу Разбойного приказа взглядом. На душе было тоскливо и маетно.

Собственную жизнь молодая алатырница любила. Любила заставу у Границы, любила, пусть порой и ругала, горные патрули, чаровать любила. Со жгучим жёлтым янтарём в крови, она была живым пламенем, ярким и сильным, а огонь болотники ой как не жаловали, так что девушку, отслужившую меньше двух лет, на заставе ценили.

Любила Алёна и родную станицу, и именно там хотела обосноваться потом, когда служба кончится. И на парней заглядывалась, да и как не посмотреть, когда они рядом — и все как на подбор, удалые да ладные! Правда, сердца никто не трогал, оно, глупое, другого безнадёжно ждало. Но до недавнего времени эта беда была едва ли не единственной хоть сколько-нибудь заметной в её жизни и всерьёз ту не отравляла. А вот теперь...

Алёне совсем не хотелось в княгини. В станице над дворянскими нравами хихикали, женщинам сочувствовали. Слова в простоте не скажи, громко не смейся, с парнями гулять — и речи быть не может! Юбка в пол, очи долу... Алёна хоть и злилась на нежданно явленного отца, но и сочувствовала ему, и хорошо понимала. Да и мудрено ли понять, отчего таким вот

кротким девам он предпочёл горячую и острую на язык алатырницу! А покойная матушка была именно такой, все говорили, дочь — точно её отражение.

Но Алёна прекрасно понимала, что желания её никого сейчас не волнуют. Решил великий князь зачем-то такую игру затеять — на то он и правитель. Подумала было удрать, но только это совсем трусость, пока ничего невозможного от неё не требовали. Странно, конечно, и непривычно, и неприятно, но лучше, чем многое из того, что она сама успела придумать. И если всё сложится хорошо, то князь, может, и впрямь отпустит ненужную больше алатырницу с миром. О прибыли Вьюжин напрасно заговорил, Алёна об этом и думать не собиралась: тут при своих бы остаться.

Погрузившись в размышления, она незаметно доела всё то, что было на тарелке, взяла ещё один пирожок с мясом. Они были маленькими, на два укуса, но зато вкуснющими — язык проглотишь! Алёна рассеянно подумала, что надо бы познакомиться с местной поварихой и попросить поделиться секретом.

— Ты хотя бы девица ещё? Княжна, — нарушила тишину старуха, и последнее слово она буквально выплюнула.

— Нет, — спокойно ответила Алёна, пожав плечами. — Мне двадцать два, не больная, не кривая, с чего бы?

Последнее намеренно добавила, чтобы позлить. Желчной княгини она не боялась, обретению второй бабки не радовалась — они чужие люди, которые друг другу не нужны и не интересны. И если старуха не желала сдерживать недовольные гримасы, то и Алёна ничего изображать была не намерена. Грубить не собиралась, всё-таки княгиня гораздо старше, но и совсем удержать язык за зубами не могла. Да и не особенно хотела, что уж там.

Против ожидания, сильнее это хозяйку не задело. Она вновь поджала губы, ещё раз окинула внучку пристальным взглядом.

— Локти ближе. Не горбись и не наклоняйся так к столу, — чуть прикрыв глаза, твёрдо заговорила женщина.

Алёна едва не огрызнулась, но вовремя одёрнула себя, сообразив, что княгиня просто начала выполнять распоряжение Вьюжина. Алатырница выпрямилась, собрала руки, потом вообще сложила их на коленях, поскольку еда закончилась.

— Спасибо, было очень вкусно, — напомнила себе о вежливости.

Старуха открыла глаза, усмехнулась косо, на один бок.

— Хорошо. Правила поведения за столом начнём разбирать в ужин. Про твоё... девичество, — княгиня запнулась. — Надеюсь, мне не нужно предупреждать о том, чтобы в великокняжеском дворце ты юбку не задирала? Проверять твою добродетель никто не станет, но постарайся хотя бы изобразить неискушённость.

— Я умею не путать службу и развлечения, — возразила Алёна.

Объяснять старухе, что между невинностью и блудливостью есть множество разных других привычек и что большинство людей как раз так и живут, не стала. Зачем оправдываться перед чужим человеком, который к тому же и слышать ничего не желает?

— Надеюсь на это. Пойди для начала переоденься, там сарафан приготовили. Не верю, что из тебя выйдет толк и для великокняжеского дворца тебе найдут путную прислужницу, чтобы одежду к случаю подбирала. Но я всё равно расскажу правила. Вдруг хоть что-то в голове отложится.

В Алёне шевельнулось любопытство. Она знала, чем и для чего отличалась одежда разных отрядов и воинов, почему в праздничном сарафане каждый день не походишь. А что же там ещё придумали?..

Оказалось, было бы желание, а запутать можно что угодно, и тонкостей дворяне изобрели великое множество. Наряды делились на утренние, вечерние и праздничные. Для дома, для приёма гостей, для выхода — по-разному. Для князей, для бояр и дворян — свои особенности.

Одни вещи, как нормальные, можно было носить долго, пока вид хороший, другие надевались лишь раз.

Какой во всём этом смысл, Алёна не спрашивала, только на ус мотала. Во всякой избушке свои погремушки, и что там думала об этом одна алатырница, наверняка никого не волновало. Но по всему выходило, цель одна: показать своё богатство да выделиться среди прочих. Желание понятное, станичные девушки тоже любили похвастать друг перед другом обновками, вот только дворяне зачем-то усложнили себе жизнь, личную причуду — не сказать придурь — превратив в обязательное действо.

Про наряды княгиня вещала, стоя на верхушке внутренней лестницы, а Алёна, чтобы попусту не тратить время, ходила вокруг. По переходу прямо, по лестнице наверх, ещё пару десятков шагов, поворот — и обратно. Порой старуха прерывалась, чтобы прикрикнуть на подопечную, которая постоянно путалась в непривычно длинной юбке.

— Что ж ты за девка такая? Как мужик шагаешь! Короче шаги, мягче!

— Подол до колена не задирай! Ты ещё исподнее всем покажи!

— Плыть как лебёдушка, а не топать как кобыла!

— Матушка, дай мне силы не отлупить эту дуру как сидорову козу!..

С каждым шагом Алёне всё меньше хотелось становиться княжной даже ненадолго. Через полчаса неспешного вышагивания по обрыдшему пути она сдерживалась от того, чтобы всё бросить, только из семейного упрямства и задетой гордости.

Наконец отчаявшись изобразить плывущую лебёдушку, она вспомнила «кошачий шаг», которому учил дед. Княгиня в первый момент поперхнулась замечаниями, с минуту наблюдала за этим молча, после чего опять попросила сил у Матушки. Но после дело неожиданно пошло к миру, в следующий час замечаний стало гораздо меньше, а потом старуха милостиво махнула рукой, решив, что на сегодня пока довольно.

А впереди ещё ждал ужин и правила поведения за столом. И если поначалу Алёна ещё опасалась, что хозяйка дома ослушается Вьюжина и попытается отыграться за нанесённую им обиду на подопечной, то теперь стало ясно: отыграется она, как раз старательно, в точности исполняя его указания.

Глава 2. Княжеский дворец

Несколько дней в тереме княгини пролетели стремительно и очень Алёну вымотали. Казалось бы, ничего столь уж сложного от неё не требовалось: на память она не жаловалась, и наука невелика, научиться янтарём управлять было куда сложнее, но усталость ширилась и крепла.

Главная проблема была в том, что смысла доброй половины этих правил она просто не понимала. Почему девушке нельзя выйти из дома с непокрытой головой? Почему до полудня нельзя принимать гостей, кроме самых близких? Почему в домашнем наряде нельзя принять гостей, если наряд этот совершенно приличен? Почему утром дома и без гостей нельзя открывать плечи, а вечером на приёме с гостями — можно? А то ещё и грудь частично, так что Алёна поначалу смущалась. То есть в таком вот виде на люди — это невинной деве можно, а наедине с парнем оставаться ни в коем случае, даже если идёт самый спокойный разговор о погоде и видах на урожай?..

На заставе правила были простыми и ясными. Не станешь выполнять — погибнешь и товарищей подведёшь. Понятно, почему нельзя одной ходить в горы: случись что, и кто тебя выручит? Но почему нельзя надеть вечером светлый сарафан?!

Всё это сердило и заставляло строить планы о том, как поскорее поймать убийц. Алёна готова была как угодно их дразнить, вызывать на себя их злость и рисковать жизнью, лишь бы не задерживаться среди всех этих странных обычаев надолго.

При такой дурацкой науке сварливая старуха вскоре совершенно перестала вызывать неприязнь сама по себе, алатырница даже начала ей сочувствовать. Станешь тут злой и желчной, всю жизнь петляя между этими нелепыми запретами. Не говоря уж о том, что в таких тесных границах нечего и задумываться о замужестве по велению сердца: если и сумеешь с кем-то сблизиться, ещё неизвестно, подойдёт ли он тебе родом. Как собаки племенные, спаси их Матушка!

А радостей всех что? Шей да вышивай, да чинно по парку вышагивай, притом с малолетства. Ах да, ещё картинки малевать можно, песни петь и книжки читать. Пожалуй, книжки единственные Алёну радовали: в школе, когда училась, библиотека была богатой, и девушка пристрастилась, а на заставе-то откуда их взять! А у князя небось этого добра довольно.

Сейчас, впрочем, читать алатырница успевала только те скупые указания, что оставил ей Вьюжин, затверживая их наизусть, и толстенный родословник, стараясь запомнить самые старые и важные семьи. Выучить всех она и не пыталась, всё одно без знакомства ни с кем заговаривать нельзя, но хоть теперь все княжеские роды знала, кто каким уездом командует.

Четырнадцать уездов — четырнадцать родов, а у тех в подчинении до трёх десятков волостей со своими городами да деревнями. Иными волостями командовали бояре, иные напрямую князьям подчинялись. Особняком стояли родовые боярские поместья, за которые хозяева могли держать ответ только перед великим князем, но и то если что совсем уж дурное случится. И боярских родов было больше тысячи, где уж тут всех упомнить!

Глава Разбойного приказа постановил, что росла Алёна под приглядом наставницы в одном из удалённых и совсем маленьких великокняжеских поместий, имя своего отца знала и именно его должна была величать благодетелем. Никакой алатырской школы не кончала, и янтарь в крови надлежало прятать от сторонних глаз. Как именно — не уточнялось, и она надеялась расспросить Вьюжина. Что способы спрятать дар существуют, это она знала, вот только никогда не пробовала.

В общем, планы у князя на дочку с самого начала были, и именно такие, как у остальных высокородных: удачно выдать замуж.

Тут Алёна снова ужаснулась и испытала к покойному отцу искреннюю благодарность. А ведь мог же и так поступить! Хорошо, не был покойный князь Иван Никитич Краснов человеком расчётливым и излишне предусмотрительным, о чём алатырница узнала из всё тех же бумаг, где имелось среди прочего и его описание. Нравом он был крут, но отходчив, щедр, горяч, азартен, но — не без ума, умел остановиться. Остёр на язык, обаятелен без меры, хорош собой, любимец женщин. Как подобное сочеталось со строгими правилами, озвученными княгиней, Алёна не поняла, но махнула на это рукой — на месте разберётся.

За эти дни княгиня несколько смягчилась к своей приблудной внучке, обнаружив, что алатырница внимательна и старательна, а кроме того, умеет не только чаровать, но ещё и шьёт недурно, и в готовке смыслит, и как дом в порядке содержать. И даже признала, что та небезнадёжна. Но на сближении не настаивала, и тёплых отношений у них не сложилось. А Алёна и не собиралась навязываться, с вопросами к ней старалась поменьше ходить и вообще не встречаться.

Из тех же бумаг, что оставил Вьюжин, следовало, что покойный князь со своей матерью близок не был. Выказывал ей сыновнее почтение, но прохладно, по велению долга. Об истоках этого отношения боярин умолчал, но тут нашлось кому просветить: Марьяна многого не знала, но тем, что знала, поделилась с удовольствием.

Она рассказала, что, когда умер старый князь, властная и честолюбивая княгиня попыталась взять бразды правления в свои руки, отчего-то полагая, будто сын двадцати с лишком лет — всё ещё неразумный и добрый мальчишка. Вышла большая ссора, мать была сослана в этот вдовий дом и лишилась даже тех возможностей, какие имела. А теперь, со смертью сына, вовсе оказалась на птичьих правах, зависимая от воли будущего наследника.

К сожалению, подробностей не знала не только Марьяна, но и остальные немногочисленные слуги, с которыми Алёна быстро перезнакомилась. Все они были деревенскими, жили от столицы и главного родового поместья, где всё происходило, далеко. Нельзя сказать, будто алатырница не верила словам девушки или всерьёз намеревалась копаться в прошлом новообретённой родни, но что-то в этой истории не складывалось, и мысль об этом засела занозой.

Удивляло, например, то, что Людмила Архиповна, будучи достаточно умной женщиной, не могла не понимать, что её своенравный сын в двадцать пять лет — уже давно взрослый мужчина с трудным характером, он ведь и военную службу успел пройти. А если вспомнить отношение к ней главы Разбойного приказа, и вовсе закрадывалось подозрение, что сотворила княгиня что-то очень нехорошее, и с этой мягкой ссылкой, наверное, легко отделалась. Иначе не опасалась бы так Вьюжина, и вряд ли он бы так с ней разговаривал.

Все эти рассуждения не добавляли Алёне любви к старухе и желания сблизиться.

Вьюжин, как и обещал, явился за новоиспечённой княжной через четыре дня ровно, вскоре после обеда. Не один, в сопровождении молодого алатырника в зелёном кафтане, который девушка сразу узнала: такие в городах носили все стражи, что под Разбойным приказом ходили.

Наученная, Алёна коротко поклонилась, сложив ладони у сердца; сильно гнуть спину ей теперь полагалось лишь перед великим князем, а большинство вообще были достойны только наклона головы. Боярин ответил тем же, его спутник, опомнившись, кланялся в пояс.

Изменения в алатырнице Вьюжин встретил одобрительной улыбкой. Настоящая боярышня: тёмно-серый дорожный сарафан, синяя рубашка, голова и плечи покрыты белым платком с набивным рисунком и кистями. Последний надевать особенно не хотелось, но Алёна утешила себя тем, что это ненадолго, только до дворца. В небольшую холщовую суму уместились все её вещи, которые девушка решила не оставлять, раз уж прямого приказа не было.

— Прекрасно выглядите, ваше сиятельство, — сказал боярин.

— Благодарю, Алексей Петрович, вы очень добры, — вежливо ответила алатырница, чувствуя себя в этот момент крайне глупо. Не забыть бы, что «сиятельство» — это теперь она!

— На дорожку сидеть не будем, кони давно запряжены, сундуки и не снимали. Открывай, — велел молчаливому сопровождающему.

— Кони? — растерянно переспросила Алёна.

— Будет подозрительно, если вы явитесь со мной, да ещё тайной тропой. — Вьюжин легко и непринуждённо сменил манеру общения и держался с девушкой теперь так, словно она и впрямь была без медяшки княгиней. Наверное, привыкал сам и помогал привыкнуть ей. — С дальнего края Белогорья ехать не придётся, вас ждут в княжеском охотничьем доме, несколько часов пути.

Пока он всё это говорил, алатырник чаровал, и за ним Алёна наблюдала с гораздо большим интересом, чем слушала Вьюжина. Она никогда не видела белопенный янтарь за работой, против болотников живущий в них ветер бесполезен, а уж дорожники, способные ходить тайными тропами, и вовсе все при князьях. Ну или вот при Разбойном приказе. Сложная это наука, мало кому даётся, тут талант особый нужен, ум острый и упорство.

Алатырник прикрыл ближайшую дверь, похлопал по ней ладонью, провёл кончиками пальцев по косяку у самой ручки. В глубокой задумчивости постоял, выводя на тёмном дереве невидимые рисунки, как будто повторял природный узор и запинался о сучки. Потом вовсе замер, держась за ручку, словно не решаясь открыть. Послушные его ладоням и воле, тонкие мерцающие бледные нити чар оплели деревянное полотно кружевной паутиной, и кружево это текло как живое. Не обладающие янтарём люди замечать их не умели, а Алёна сейчас смотрела очень внимательно. Янтарный взор, который позволял видеть чары в предметах, в воздухе и в людях и без которого невозможно чаровать самому, все алатырники учили в первую очередь. Понять что-то и не надеялась, но чужая тонкая работа восхищала.

— А что мне делать во дворце, когда приеду? — спросила она неуверенно, насилу отвлёкшись. — Меня встретят?

— Да, конечно. О вас известно, вас ждут.

Прозвучало зловеще. На тёплый приём рассчитывать не приходилось, а как отвечать на холодный — было неясно. Если следовать советам княгини, Алёне оставалось только молчать и улыбаться.

Тем временем безымянный алатырник распахнул дверь, и за ней вместо знакомой комнаты открылась густая дымка клубящегося тумана, столь сильно пропитанного чарами, что узор для неопытного к такому глаза сливался в сплошное полотно.

— Прошу, — пригласил Вьюжин, и Алёна без возражений ступила через порог, с любопытством озираясь и прислушиваясь к чужим чарам.

Пара шагов в тумане, и вот под ногой скрипнула половица, следующая, дымка растаяла как-то вдруг, и девушка оказалась в тёмной и прохладной пиршественной зале. Длинный дубовый стол пустовал, вдоль него тянулись лавки, посередине ближней к стене стороны — резное хозяйское кресло и два попроще по обе руки. Наверное, для князя, княгини и старшего княжича. Оштукатуренные каменные стены были густо расписаны цветами и диковинными зверями, под потолком парили, простирая крылья, птичьи чучела, в одном углу стоял могучий лось, в другом поднялся на задние лапы матёрый медведь, стеклянные глаза которого вызывали едва ли не больше тревоги, чем кинжалы когтей.

Лучше осмотреться не вышло, следом из тумана на месте двери вышел Вьюжин и поманил её за собой. Алёна обернулась через плечо, чтобы увидеть, как последним в залу вошёл алатырник, замкнул за собой дверь, и туман тотчас опал.

В соседней горнице их поджидала незнакомка в скромном сарафане из небелёного льна и простой рубахе, была она без платка, в лаптях — обычная деревенская девушка. Конопатая, с собранными в недлинную косу рыжими волосами — где-то посчитали бы дурнушкой, а в Солёном уезде, наоборот, любили таких и говорили, что солнце расцеловало.

Только взгляд ярко-зелёных глаз совсем не подходил этой наружности: не девичий, очень тяжёлый, прямой, цепкий и внимательный. Перехватив его, Алёна усомнилась, а так ли уж юна эта девушка?

Потом рыжая заговорщицки переглянулась с пришлым алатырником, тот едва спрятал улыбку в уголках губ, а девица поспешила поклониться в пояс и затараторила с восторгом:

— Доброго здоровьичка! Стешей меня звать, хозяюшка, служить буду верой-правдой!

— Не паясничай, — вдруг одёрнул её Вьюжин и обернулся к молодой княгине. — Степанида из деревни подле поместья, в котором ты выросла. Можешь доверять ей во всём. У себя в покоях еду и платья бери только из её рук, неважно, есть кто ещё рядом, нет ли. За княжьим столом, пожалуй, бояться не стоит, там и без тебя найдётся кому дурное в еде и питье заметить, столы в трапезных на то зачарованы.

— Но я сама могу почувствовать яд и чужие чары, — растерялась Алёна. Отравить алатырника вообще трудно, янтарь в крови не даст, а уж если янтарь тот — живое пламя...

— Заметить могут, — опередив поджавшего губы боярина, вставила Стеша. — Тебе что, не сказали? Прятать надо силу! Я тебя по дороге научу и помогу с этим, сама-то ты вряд ли сумеешь как следует силу скрыть, и чаровать нельзя будет. Я за тебя всё проверять стану.

— А деревенская девчонка с такими умениями никого не удивит? — усмехнулась Алёна.

— А я незаметно умею, — заявила та и язык не показала, наверное, только из-за присутствия дорожника, в которого то и дело стреляла глазами. Вьюжина странная девица, кажется, совершенно не боялась.

— Степанида, — устало проговорил боярин, немного прикрыв глаза.

Неожиданно это благотворно повлияло на рыжую, та собралась и перестала насмешливо и хитро улыбаться.

— Пойдёмте, Алёна Ивановна, кони уж копытами бьют.

Закрытый возок выглядел неказистым, но крепким, как и пара низкорослых гнедых меринов, которые его тянули. А ещё и по нему, и по привязанным позади сундукам можно было уверенно сказать, что путь их был долгим и сложным. Алёна только восхищённо качнула головой. Небось, возок этот от того самого медвежьего угла до столицы и ехал. И даже девицу какую-то вёз...

Вокруг возка ходил, ощупывая и осматривая решительно всё, хмурый мужик разбойной наружности в видавшей виды рубахе и портках, с бесформенной шапкой на голове, но зато в крепких, хоть и запылённых сапогах и с кистенем на поясе. Завидев девушек, молча открыл дверцу.

— Меня Петром кличут, — буркнул, когда Алёна проходила мимо, и на том знакомство завершилось.

— Он всегда такой хмурый? — спросила алатырница у попутчицы, с интересом разглядывая её в сумраке возка. Здесь пока прятать силы особого резона не было, и Алёна без стеснения ими пользовалась. Жёлтый янтарь в крови давал не только жар: доступный только огненным чародеям, светлый взор, позволявший видеть почти в полной темноте, был немногим сложнее янтарного.

— Не образчик обхождения, — охотно поддержала разговор Степанида, улыбнулась. — Зато надёжный и сильный, как медведь, хороший страж для двух слабых девушек. Ну и каково тебе быть княжной? Или ты уже княгиня?

— Сама толком не поняла, — проворчала Алёна. — Молю Матушку, чтобы всё это быстрее закончилось.

— Это ты ещё во дворце великокняжеском не была! — звонко рассмеялась Стеша и вдруг решила: — А ты ничего, твоё сиятельство. Не дура и не жадная.

— Алёна, хорошо? Хотя бы наедине, — вздохнула она. — Сиятельство я меньше седмицы, а Алёна — всю жизнь. А ты Вьюжина совсем не боишься, что ли?

— А, что он мне сделает, — легкомысленно отмахнулась Степанида. — Я слишком полезная.

— Зелёный янтарь, да? И странный такой! — задумчиво проговорила Алёна. — Я раньше только лекарей встречала, а о таком только в книжках читала...

— Неужели разглядела? — подозрительно нахмурилась рыжая.

— Догадалась, — не стала прибавлять себе лишнего Алёна. — Ты старше, чем кажешься, небось и меня старше. И с боярином Вьюжиным держишься уж слишком вольно, не стерпел бы он такой вольности от девчонки, пусть и полезной.

— Подружимся, — с удовольствием улыбнулась Стеша. — Слушай и запоминай. В княжьем дворце держи ухо востро. В том озере такие щуки зубастые плавают, что голову откусят и не поморщатся. Где смогу — помогу, но всегда рядом быть не сумею, так что держись. Тебя в свиту княгини отправят, туда многие незамужних дочек пристроить пытаются, верный путь к удачной свадьбе. Саму её не бойся, но и заступничества не жди, Софья себе на уме и к девочкам вроде тебя относится словно к зверям в зверинце: посмотреть издалека да и выкинуть из головы. А вот князя сторонись.

— Может заставить всё-таки остаться княгиней и выйти замуж? — встревожилась Алёна.

— Вряд ли, ему тоже незнакомая девица на этом месте даром не нужна, он больше уважает передачу наследства по мужской линии. Если бы ещё других не было, а так… Нет, не в том дело. Князюшка наш до баб уж больно охоч, — усмехнулась Степанида. Да так зло, колко, что Алёне на миг боязно стало. — А ты хороша собой, да и чернявых в княжьем дворце мало. Была бы впрямь девицей скромного нрава и строгого воспитания — ещё мог не полезть. А ты из служивых, и он о том знает. Ещё Вьюжин сказал, характер у тебя бойкий, его князю тоже поменьше показывай, чтобы не привлечь ненароком.

— Не побрезгует ли? — с надеждой предположила алатырница. Князя она ещё не видела, но в этот момент уже за глаза невзлюбила. И совершенно точно знала, что обойдётся без его внимания.

Надо же, каков! При живой жене, нимало не таясь...

— С чего бы? Чем ты сенных девок хуже?

— Бедная княгиня, — вырвалось у Алёны.

— Сама виновата, сама и хлебает заваренные щи полной ложкой, — пренебрежительно отмахнулась Степанида.

Такая резкость алатырницу удивила и покоробила: это ж как она может быть виновата, если муж у неё оказался гулящим?! Но ввязываться в пустой спор Алёна не стала, всё равно не переубедит. Поэтому предпочла заговорить об ином:

— Стеша, а ты ведь умеешь лицо менять, верно? Почему же тебя вместо меня не отправили? Ты бы и сыграла лучше.

— Кровь, — коротко отозвалась она. — Если кто проверит и вскроет обман, князю объясняться придётся. Сама понимаешь, никому такое и даром не надо, когда подходящая настоящая наследница есть. Ладно, давай мы лучше к делу. Попробуем понять, что княгиня с Вьюжиным полезного забыли или не успели тебе рассказать. А то боярин в девичьей жизни мало что понимает, а старуха за давностью лет — и того меньше, — улыбнулась она насмешливо.

К концу дороги голова у Алёны стала тяжёлой. От бодрой и звонкой болтовни Степаниды, от количества тех сведений, которые алатырница пыталась усвоить и увязать со сказанным старой княгиней, от тряской езды. Возок был достаточно хорош, и едущих внутри не швыряло из стороны в сторону, но в седле было бы куда проще и приятнее. Девушка не роптала и не жаловалась, но вздохнула с огромным облегчением, когда колёса застучали по брусчатке стольного града Китежа и повозка поплыла совсем легко, плавно. Выглядывать наружу через небольшие окошки, закрытые плотными занавесками, Алёна не стала, много ли там на ходу рассмотришь, но заметно приободрилась.

Стен Китеж не имел, так что начало города было очень размытым. Без надобности был стольному граду частокол: от врагов и всего дурного хранила его близость колдовского озера Светлояра, на берегах которого раскинулся Китеж и подле которого стоял великокняжеский дворец.

Взглянуть на это волшебное место Алёне тоже очень хотелось. Она не ждала всерьёз, будто что-то этакое увидит, но мысль о грядущей встрече всё же грела. Старшая и любимая дочь Матушки Озерица, дух озера, покровительствовала всем алатырникам, а на дне Светлояра, поговаривали, лежал сам сказочный Алатырь-камень, дающий чародеям силы. В это легко было поверить, иначе почему так боялись зачарованного озера болотники и откуда на его берегах бралось столько янтаря? Сбором его промышляли все окрестные деревни, но меньше из года в год не становилось.

За несколько часов дороги Степанида успела многое рассказать, показать чары и почаровать, помогая новоявленной княжне скрыть янтарь в крови от чужих глаз. Алёна никогда такого не делала, для неё всё было внове, так что помощь пришлась очень кстати. Да и чары зелёной алатырницы поспособствовали, без них вряд ли удалось бы скрыть столько огня, с нейто полностью не получилось. Но Стеша в конце концов решила, что так лучше: кто посмотрит — увидит слабенький, тусклый огонёк дара, который хозяйка не стала развивать, такое нередко встречалось, и не только у родовитых бояр и дворян, но и среди простого люда. И вряд ли кто-то станет вглядываться.

Кое-что из сказанного Стешей противоречило наставлениям княгини, и это поначалу путало. Например, по словам рыжей, гулять с парнями всё же можно было, и даже наедине, просто нельзя было уединяться в покоях, а если очень хотелось — достаточно было присутствия служанки. Или вот, например, оказалось, что про домашние наряды Людмила Архиповна рассказывала совершенно напрасно: во дворце они были не в чести, потому что домом он был только для великой княгини, которая по своему желанию в любое время могла зайти в любой покой на женской половине. И хотя этого не делала, но домашние наряды никто не носил, и для Алёны их шить не стали.

Конечно, Степаниде веры было больше, но и в обман со стороны княгини не верилось, поэтому Алёна постаралась расспросить спутницу. По всему выходило, старуха не врала, просто, как алатырница могла бы и сама догадаться, воспитание и семейные порядки в боярских семьях заметно разнились, строгостью и требованиями к дочерям — в том числе.

А вот чем, кроме поисков женихов и рукоделия,занимаются при княгине молодые дворянки, даже Стеша не сумела сказать: выходило — ничем. Только Софья решала, будут у них какие-то обязанности или нет, и пока Софья лишь снисходительно наблюдала за их развлечениями, порой забавляясь устройством свадеб.

А вот для женщин постарше, поопытнее, имелись занятия поважнее. Они были её опорой, помощницами и единомышленницами, и дел — настоящих, нужных, — хватало на всех. Княгиня ведала школами, кроме разве что военных, больницами городскими, уездными и поместными, а также судьбой сирот. Ещё она считалась проводницей воли Храма при князе и в прежние времена, бывало, получала через это немалую власть. Но сейчас жрицы старались держаться в стороне от княжеских дел и в жизнь Белогорья вмешивались только в том, что касалось обрядовых и духовных вопросов.

Когда возок въехал на княжеский двор и остановился, Алёна вдруг поняла, что, помимо ожидаемого волнения перед сложным и опасным делом, испытывает ещё и предвкушение, и нешуточный интерес: когда бы ей ещё довелось поглазеть на жизнь самого великого князя и его дворца! Может, если бы не угроза замужества, потому что до конца поверить Вьюжину не получалось, она бы искренне радовалась такому приключению.

Неразговорчивый Пётр, не дожидаясь местных слуг, сам открыл дверь, помог выбраться наружу, и на несколько мгновений алатырница забыла о всех своих волнениях, зачарованно озираясь.

Алёна понимала, что великокняжеский дворец должен быть огромным, но всё равно оказалась не готовой к увиденному. Сложенные из белого камня хоромы охватывали широкий двор кольцом, и молодая княжна совершенно растерялась, пытаясь угадать, в какую сторону идти.

Высокие, в три, а где и в четыре этажа строения сложной формы. Иные стояли тесно друг к другу, между другими виднелись проёмы разной ширины, и тогда здания связывали крытые переходы. Обычно — поверху, над рядом колонн, за которыми было зелено, там явно таились от посторонних глаз сады или дворики. Лестницы, крутые крыши, бесчисленные окна от узких и маленьких, с частыми переплётами, до широких, с большими ясными просветами. Одних крылец девушка насчитала пять, и это только ярких и украшенных, парадных, которые бросились в глаза.

А сколько здесь было народу! По двору сновали деловитые слуги, стремительно и уверенно шагали какие-то мужчины в расшитых кафтанах и с очень важными лицами, проплывали небольшими стайками лебёдушки... То есть девушки и женщины в нарядных сарафанах. Поодиночке они не ходили вовсе. И, проводив взглядом трёх молодых красавиц, Алёна запоздало поняла, за что именно ругала её старая княгиня. Не умела алатырница так меленько шагать, чтобы почти не задевать колокольчика юбки! Глупо же и неудобно...

Пока она озиралась, к ним быстро, чуть не срываясь на бег, подкатился невысокий круглый человечек. Шёл он пружинисто, и большой живот его, туго обтянутый красным кафтаном, смешно подпрыгивал. За ним шагали двое дюжих молодых парней.

— Ваше сиятельство, радость какая, добралися! — он низко и удивительно ловко поклонился, и живот совсем не помешал. — Боярин Вяткин, Аполлинарий Никитич, его великокняжеской светлости покоевый ключник. Берите сундуки, да глядите, осторожно! — прикрикнул он на парней, которые уже вместе с Петром отвязывали скарб. — Пожалуйте за мной. Притомилися с дороги, голубушка, ну да ничего, сейчас девки сенные ножки омоют, яств сладких откушаете, с дороги вздремнёте, и румянец расцветёт!

Вставить хоть слово он не давал, а вскоре Алёна и думать об этом перестала: круглый боярин Вяткин при недостаточной внешней представительности дело своё знал крепко и говорил вещи нужные. Каковы порядки во дворце, к кому с какими вопросами идти, где покои княгини, где — младших детей. Где светёлки для посиделок с рукоделием, где — залы для вечёрок, куда была открыта дорога не только девушкам, но и парням, и они там совместно проводили время под приглядом старших женщин. Алёна немного порадовалась за дворянских дочек, не сидят они всё же взаперти, как думалось.

Жило в княжеском дворце немало людей, но и не так много, как казалось по виду огромных палат. Бояре из Малой, или Тайной, Думы, ближайшие советники великого князя, их жёны и дочери, часть которых составляла свиту княгини. Жила здесь и личная великокняжеская дружина из родовитых дворян — потомственных, надёжных воинов, и старшие воеводы, тоже с семьями. Целая деревня наберётся, если подумать... Особняком стояла казначейская палата, где жили некоторые старшие чины, а остальные приходили на службу, и иные присутственные места.

— Ну вот и добралися, с Матушкиного благословения, — сообщил Вяткин. — Вещи ваши скоро принесут, а тут всё готовенько — и перина пуховая, и всяко-разно, что душеньке угодно. А прислужницу вашу я к остальным сенным определю, неча ей…

— Я хочу, чтобы она со мной осталась, — опомнилась Алёна, когда Стеша из-за спины боярина замахала руками и сделала ей страшные глаза.

— Да на кой она вам? — опешил ключник — не то само возражение озадачило, не то открывшийся вдруг у княжны дар речи.

— Я к ней привыкла, она и расторопная, и умница!

— Да наши сенные лучше, зачем эту деревенщину-то рябую?

Степанида за спиной боярина опять сделала страшные глаза, скрестила руки на груди, показательно нахмурилась и изобразила, будто топает ногой.

— Я так хочу! — резко заявила Алёна, сообразив, что ей подсказывают. — Рябая, да знакомая!

Не то командный голос помог, не то капризные ноты, но на боярина подействовало, он почти перестал спорить, только спросил неуверенно:

— Но куда ж её тут?

Что Стеша подсказывала теперь, Алёна не поняла, пришлось той самой вмешаться.

— Благодарю вас, ваша милость, за ласку, за заботу, — залебезила она, выскользнув из-за плеча ключника и кланяясь в пол, — да не извольте волноваться, я не привередливая, я вот тут, в светёлке на скамье, зато при княженке нашей. Совсем она одна осталась, в целом свете сирота, — шмыгнула носом, даже пустила слезу, отчего Вяткин неожиданно растерялся, смешался и поспешил распрощаться, пообещав, что сейчас принесут еды — отобедать княгиня изволила раньше, ужин ещё не скоро.

Трапезы с княгиней были не столько обязанностью, сколько привилегией, это ещё старуха Краснова рассказывала. Никто не запрещал вообще их не посещать, и некоторые так и делали — например, те, кто предпочитал жить своей семьёй в отдельных больших покоях. Таких было немного, в основном из служивых дворян, а кто породовитей и побогаче — предпочитали свои столичные дома. Но само их существование Алёну немного приободрило.

Ей странен и неприятен был этот обычай, когда для женщин и мужчин строились отдельные терема, и ладно сам великий князь, но многие из живших здесь бояр следовали примеру, когда муж к жене только изредка заглядывал. Какая радость замуж выходить, коли муж противен, чужой человек, неприятный и совсем не любый? А жениться зачем, если с души воротит?

— Ух! Я уж думала, сейчас меня и отошлют! — проворчала Стеша. — Ты ворон-то не лови, стоит как телок на верёвочке!

— Мне княгиня четыре дня о том говорила, что молчать надо и рта лишний раз не раскрывать, — недовольно возразила Алёна, которая уже понимала, что слепо следовать науке бабки не стоило, но ещё не могла сообразить, как нужно держаться.

— Так молчать-то с умом! — смягчилась рыжая. — При князе, при молодцах, при княгине. А если бы он сундуки нести отказался, тоже смолчала бы? Всё, иди-ка умывайся и запрись обязательно!

— Зачем?

— Любопытствующие сейчас потянутся, — заявила она и бросила вслед: — Косу намочить не забудь! Сушить-то её некому, помни, вдруг кто внимание обратит? На мелочи погореть — легче лёгкого.

Степанида оказалась права. Пока Алёна с удовольствием плескалась в тёплой воде, обернув косу вокруг головы и подвязав платком — вроде дорога недлинная, а всё равно утомила, — слышала, как рыжая с кем-то ругалась. Потом дёргали ручку, но задвижка оказалась крепкой, а потом Стеша вытолкала незваную гостью взашей. Кажется, силой.

Тишина воцарилась через четверть часа, и только тогда алатырница выглянула из мыльни. Помощница сидела на краю постели, беспечно болтала ногами и грызла большое румяное яблоко. Рядом был разложен богатый синий сарафан, рубашка к нему и исподнее. Сама девушка тоже успела переодеться в скромный зелёный сарафан и рубашку получше, башмачки достала — и уже как будто не деревенская девица, а городская, отличимая от прочих дворцовых слуг разве только веснушками.

— Что тут за побоище было? — спросила Алёна, на ходу обтираясь льняным отрезом.

— Родня твоя познакомиться желала, — хмыкнула Степанида. — И я думаю — за косу оттаскать. В лучшем случае.

— И мне в такой момент опять нельзя силу применять? — опешила алатырница.

— Силу — можно, чародейскую — нет. Ты ж из рода пластунов, нешто с бабой буйной не справишься? Одевайся, пойдём есть, там запахи такие — не могу, аж живот подводит. Видишь, дверь закрыла, тебя жду.

— А что за баба-то?

— Тётка твоя, князя покойного старшая сестра Лизавета. Вздорная, спесивая, самолюбивая. Не столько сынок её, сколько она сама могла братца к предкам отправить. Но по мне — глуповата, не смогла бы всё так ловко провернуть, только при большой удаче, а я в такие чудеса не верю.

После этого девушки дружно решили не гнать коней и до беседы с великим князем никуда не ходить, чтобы ненароком не навлечь на себя новых неприятностей. Тем более за Алёной пришли быстро, и часа не прошло: не обманул Вьюжин, и правда ждали её.

Молодой долговязый дьяк с непослушной рыжей копной на голове низко кланялся и держался очень вежливо, но со жгучим любопытством поглядывал на княжну и шагавшую за ней прислужницу. Но как бы ни хотелось, затеять разговор не посмел ни с одной ни с другой.

Путь оказался неблизким, пришлось миновать два узких перехода между отдельными постройками — те самые, которые Алёна рассматривала со двора.

Княгинин терем был светлым и тихим, с наборными полами, украшенный кружевными подзорами и нарядной росписью. А там, куда они пришли, царил совсем иной дух. Стены светлые и почти пустые, полы — тёмные, без узоров, потолки высокие, гулкие, по ним гуляет неразборчивая разноголосица. Много людей; больше мужчины, но и женщины встречаются, и явно не праздные, и одетые занятно — вроде и платье чиновничье, ровно как у мужчин, но поженски скроенное и с юбкой. То ли выслужившиеся из простых, то ли…

Боярышни и дворянки тоже порой шли на службу, иногда по доброй воле, но чаще — от безысходности. Оставались без кормильца, других мужчин в доме, способных позаботиться, не имелось, вот и шли деньги зарабатывать. Грамоте учили всех без исключения, с цифрами управляться — тоже, домашние дела вести, так что и с чиновничьей службой справлялись. Но среди них это считалось страшным позором. Алёна, когда княгиня о том рассказывала, запомнила, но так и не сумела принять подобное отношение: она ничего недостойного в честной службе не видела.

Путь закончился в большой горнице перед высокими двустворчатыми дверьми. Здесь было особенно многолюдно, ожидавшие сидели на лавках вдоль стен, прохаживались, малыми кружками что-то обсуждали. По обе стороны от дверей со строгими лицами стояла пара стражей, по всему видать — из алатырников, а следом за ними сидели за столиками писари.

Когда провожатый направился, не сбавляя шага, сразу к двери, Алёна подобралась, ожидая недовольства или хотя бы ропота других просителей, ищущих княжеской милости. Но нет, встретили новоявленную княжну только любопытные взоры и шепотки.

Один из стражей окинул подошедшую троицу цепким взглядом и распахнул дверь. Дьяк с поклоном предложил Алёне пройти внутрь, и через миг дверь с тяжким вздохом затворилась, оставляя снаружи обоих рыжих. Тревога всколыхнулась, прошлась холодом по спине, но алатырница решительно стиснула кулаки и с поклоном шагнула вперёд, ближе к мужчине на престоле.

Великий князь был переменчив, и просители между собой старались заранее выяснить, в каком он расположении духа, потому что в дурном на расправу был скор и нравом крут, неповиновения не терпел, а в хорошем — куда более сдержан и мягок. Вспомнив об этом,

Алёна попыталась на глаз оценить настроение Ярослава Владимировича. По всему выходило — хорошее, взгляд его казался насмешливым и даже как будто приветливым.

Князь сидел не так, как рисовали его на портретах — гордым, с прямой спиной, орлиным взором и посохом в руке. Вольно откинулся на спинку, короткий посох — символ власти — держал обеими руками, опираясь локтями на подлокотники. Нестарый, сорока трёх лет от роду, крепкий мужчина. Волосы светлые, золото пополам с серебром, и глаза серые, ясные, умные.

Великий князь Ярослав Владимирович вообще оказался очень хорош собой. Не изнеженный, пресыщенный богач — витязь. Плечи широкие, ладные, лицом красив, да и одет иначе, чем многие из дворни: кафтан дорогой, богатый, алый, но золотом шит с умом, не заткан полностью, чтобы достаток показать, а только для красоты, без излишка. Золотой венец в волосах блестел тёмными, почти чёрными, как печёночная кровь, лалами.

При взгляде на эти камни вдруг вспомнилось кольцо на пальце Вьюжина, и Алёна поняла, почему оно показалось знакомым. Рассказывали о таких перстнях, зачарованном знаке особого расположения великого князя, который разрешал вершить оговорённые дела от его имени. Высоко Ярослав боярина ценил и доверял ему.

По правую руку от правителя за небольшим столом сидел ещё один писарь. Лавки вдоль стен были почти пустыми, в дальнем краю только притулились двое совсем древних старцев в боярской одежде и словно бы дремали с открытыми глазами. А перед престолом стояло несколько человек, видимо та самая родня, с которой великий князь должен был познакомить наследницу.

Мужчина в летах, коренастый и массивный, весь седой, с тяжёлым взглядом, — должно быть, дядька покойного князя. Его племянница, Алёнина тётка по отцу, — статная, пышная, с густо подведёнными глазами и в таком разукрашенном сарафане, что за золотом и каменьями не разобрать цвета ткани. Наверное, та самая, что со Степанидой ругалась. Сын её, тонкий и высокий паренёк моложе алатырницы, с мягкими светлыми кудрями и светлой кожей — наружность книжника. Чуть в стороне от них стояла молодая женщина в тёмном сарафане без шитья и с серым вдовьим платком на голове — по традиции скорбный наряд носили три года, если вдова осталась с детьми, и до трёх месяцев, если плодов брак не принёс.

Приблизившись на положенное расстояние и остановившись рядом с другими просителями, но — на полшага впереди, Алёна едва успела себя одёрнуть, чтобы не вскинуть ладонь к плечу, а сложить руки у сердца. Низко поклонилась.

— А вот и последняя родственница, — проговорил великий князь. — Поднимись, — разрешил ей. — Рад видеть тебя, Алёна Ивановна. Как дорога, спокойно ли добралась?

— Благодарю, ваша светлость, за заботу и ласку, всё волею Матушки благополучно, — ответила алатырница, вспомнив, что прямо пялиться на князя неприлично, и опустив взгляд на его сапоги. Потом искоса глянула на родню и встретилась с лютой злобой в глазах тётки.

Янтарь в крови опалил нутро жаром, встревоженно откликнувшись на чужую злобу. Девушка насилу справилась и удержала пламя — скорее от неожиданности, чем от неумения, давно с ней такого не случалось. Может, оттого, что прежде не сталкивалась со столь сильной и неприкрытой ненавистью к себе?

— А коли все в сборе, то пора и мою волю огласить, а воля такова. Наследницей покойного князя Краснова станет его незаконная, но признанная дочь Алёна. От сего момента и впредь звать девицу княгиней. Сроку ей обвыкнуться во дворце месяц, а по его исходе будет выбран для неё достойный муж, поскольку не дело это — девице одной уездом управлять. Если полюбится кто из боярских сыновей — не бойся, красавица, прямо говори, а коли нет — сам подберу тебе достойного мужа. Или ты против?

— Вверяюсь вашей воле, светлый князь, и принимаю заботу с благодарностью, — откликнулась Алёна и вновь поклонилась, в очередной раз утешая себя тем, что всё это временно и

выходить замуж на самом деле её никто не заставит. Главное, пусть Вьюжин к исходу этого месяца убийцу поймает!

— Воля ваша, светлый князь, — заговорила тётка, и алатырница узнала голос: именно с ней ругалась Степанида. — А только нет ли ошибки? Не подменили девицу-то злодеи? Разве можно приблудной какой-то на слово верить!

— Изволь, Лизавета Никитична, дело нехитрое. Вот алатырники мои, люди надёжные, сейчас и установят, есть промеж вами всеми кровное родство. Этого довольно будет? Или им ты тоже не веришь? — князь усмехнулся.

— Как можно, светлый князь! — кисло проговорила она. — Тем более сын мой — алатырник силы немалой, он мне, тёмной, всё и растолкует.

— Матушка!.. — просительно пробормотал тот тихонько, но Алёна услышала. И заметила, как смущённо порозовели скулы Афанасия, какой виноватый взгляд он бросил на князя.

— Ничего, зря мы, что ли, учителям такие деньги платим? И ты целыми днями за книгами просиживаешь! — разворчалась тётка.

Двоюродного брата стало жаль: он, похоже, удался не в мать и на первый взгляд казался неплохим парнем. Вот только Алёна изнывала от любопытства узнать, какой в нём янтарь. Не жёлтый, пламя робким не бывает, и не белопенный — ветер лёгок и игрив, не скромничает. Зелёный?..

Янтарный взор сил не тянул, у взрослых получался сам собой, и Алёне приходилось своей волей сдерживаться. Велели же дар не открывать, а вдруг и такая малость привлечёт ненужное внимание?

Тем временем один из старичков, сидевших словно бы просто так, поднялся и приблизился к наследникам. Что чаровал — Алёна не понимала, оставалось только гадать. И волноваться: а вдруг Вьюжин ошибся и сейчас обман вскроется? Она даже успела немного на это понадеяться, тогда её бы сразу отпустили восвояси и не пришлось осваиваться в княжеском дворце. Всерьёз не верилось, но...

Тело на мгновение объяло колким теплом, и алатырница вздрогнула от неожиданности. Одновременно с этим рядом ойкнула тётка, а старший из мужчин зябко повёл плечами. А потом всех четверых, кроме молчаливо стоявшей в стороне вдовы, окутало слабое тревожно-красное свечение.

— Родня, — скрипуче бросил старичок, как будто с разочарованием, и прошаркал обратно к скамье, не дожидаясь приказа или разрешения.

— Одобряешь, Лизавета Никитична? — с усмешкой спросил великий князь.

— Родня! — поджав губы, выплюнула та. — От девки сенной нагулянная!

Алёна только стиснула зубы, чтобы не огрызнуться, но от недоброго взгляда в сторону тётки не удержалась. И та это заметила.

— Ишь, зыркает! Что, правда глаза колет?

— Твои мысли на сей счёт, Лизавета, меня не интересуют. Краснов дочь признал, на что имеется бумага, — похолодевшим голосом оборвал её князь. Тётка аж качнулась назад от неожиданности и поспешила согнуться в глубоком поклоне.

— Прости глупую бабу, светлый князь, скорбь о брате сердце разъедает! — пробормотала она.

Алёна с трудом сдержала злорадную улыбку. Ещё старая княгиня рассказала, что великий князь в разговоре переменчив, и переменчив вдруг, как медведь: то вроде спокойный и вальяжный, а в другое мгновение — сожрёт с потрохами. И теперь вот старухина дочь, кажется, переполнила чашу княжеского терпения.

— Писарь, указ!

— Готово, ваша светлость! — Тот явно не терял времени даром и итога проверки не ждал, составил всё сразу. Вскочил, с поклоном поднёс князю бумагу на тонкой белёсой дощечке,

вверху которой крепилась подставка для алого самописного пера. Писарь пользовался при этом другим, обыкновенным, которое стояло у него на столе.

Князь в повисшей тишине прочитал написанное, одобрительно кивнул, поставил быстрый, размашистый росчерк тем самым алым пером, приложил печатное кольцо, блестевшее на мизинце. Бледная жёлтая вспышка, повелительный жест, и писарь скользнул на своё место, чтобы аккуратно положить очередную бумагу в тонкую стопку на краю стола.

— Идите. — Новый небрежный жест, и двери распахнулись сами собой.

Продолжать спорить с князем никто не осмелился, и родственники потянулись к выходу. К счастью Алёны, тётка её дожидаться не стала, с видом и напором молодого быка двинулась прочь, увлекая за собой сына. Вдова немного замешкалась, оглянулась на новую княгиню, но тоже не задержалась, и алатырница спокойно вышла последней. Ждать её под княжескими дверями и устраивать там свары тоже никто не стал, и до своих покоев девушки в сопровождении всё того же рыжего дьяка добрались без труда.

Глава 3. Княжеская жена

— Стеша, а сын Лизаветы, Афанасий, он кто? — спросила Алёна, когда девушки остались наедине. — Правда алатырник? Я не рискнула глянуть, чтобы себя не выдать.

— Это правильно, — одобрительно кивнула рыжая. — Моя вина, забыла сказать, это же к делу не относилось. Костяной янтарь он. Сильный, старательный, полезный. К нему многие приглядываются, и Вьюжин тоже. Если мамка на службу отпустит, — усмехнулась она едко.

Костяной янтарь был одним из самых редких, он давал власть не только над нечистью и нежитью, как красный, но и над душами убитых, и даже позволял поднимать мёртвые тела, создавая нежить. Поговаривали, он к тому же открывал путь в Навий мир, в который уходят души, чтобы отбыть наказание или сразу подняться в Ирий. В сказках, когда витязи ходили в Навь спасать возлюбленных или, напротив, девицы за витязями или иной роднёй, именно костяной янтарь помогал миновать злую стражницу с костяной ногой. А в других — сама стражница была сильной алатырницей.

Алёна никогда в жизни не встречала ни одного костяного янтаря, и меньше всего в её мыслях он сочетался с тонким долговязым парнем одухотворённой наружности.

— Никогда бы не подумала…

— Молодой ещё, опыта мало, да и мамаша у него такая, что не всякий спорить сдюжит. Но янтарь своё возьмёт, как войдёт в полную силу. Ты и сейчас его телячьими глазами не обманывайся, мальчишка непрост. Умный, осторожный, что у него на уме — неясно. На месте смерти князя следов волшбы не нашли, но это не значит, будто её не было.

Обстоятельства гибели Ивана Никитича Краснова Алёна от своей помощницы знала, та поделилась по дороге. Князь был близок и дружен с правителем, но из-за крутого и упрямого нрава обоих они нередко ссорились. Особенно в последние годы. С появлением Граничного Хребта, отделившего Белогорье от вечного его врага, Великой Топи, Ярослав решил, что угроза теперь столь мала, что можно подумать и о других границах. И занялся воплощением, как оказалось, давней своей мечты: собирался построить такие корабли, чтобы пересечь море и узнать, что там, за ним. Ну а Краснов, как и некоторые другие приближённые великого князя из числа бывших или нынешних военных, не одобряли нового увлечения Ярослава.

Последний спор две седмицы назад вышел особенно горячим и яростным. Разругавшись с великим князем в пух и прах, Краснов отбыл в ближнее своё поместье, что в двух часах пути от Китежа. Зол был страшно, всех слуг разогнал и остался в тереме один. Что потом происходило — никто не знал, но вроде бы видели в ночи некоего всадника, который спешно удалялся от господского дома. А то и двух, потому что время свидетели называли разное: один вроде ещё до полуночи, а другой — к утру.

Мертвеца обнаружила княгиня, прибывшая вслед за мужем на другой день. Сразу с ним она не поехала якобы из-за дурного самочувствия, и даже кто-то видел её доверенную служанку, знахарку, в ночи на кухне, она там с какими-то склянками возилась. Но Степанида не сомневалась, что это был простой и незатейливый расчёт. Долго сердиться Краснов не умел, и на другой день Светлана рассчитывала застать его подобревшим и поостывшим. Таким и нашла, причём в прямом смысле: лежавшее в сенях тело было уже холодным.

Вот и выходило, что за ночь любой из недоброжелателей легко мог добраться от столицы до поместья и вернуться обратно.

Кто был первый всадник, кто — второй, связаны ли между собой, затесался ли среди них убийца, да и были ли они взаправду, — всего этого за минувшие дни доподлинно выяснить не удалось. Великий князь гневался, да и Вьюжин тоже был недоволен: весь Разбойный приказ не мог найти убийцу.

Вряд ли, конечно, кто-то из родственников сам марал руки, скорее, послали преданного слугу, и потому больше подозрений вызывал дядька покойного, Николай Остапович Краснов. Младший сын князя, не рассчитывающий на наследство, поднялся своим умом и доблестью, выслужился в войне с болотниками, слугами был любим и имел нескольких безраздельно преданных ему людей из числа бывших сослуживцев, которые вполне могли бы и на лихое дело пойти.

У Лизаветы Чесноковой таких слуг не было, но Афанасий, несмотря на вид слабого книжника, в седле держался хорошо, да и приятелей у него хватало, пойди пойми, не задолжал ли кто молодому боярину всерьёз.

От разговора девушек отвлёк вежливый стук в дверь. Переглянулись, и Стеша пошла открывать, а Алёна насторожённо уставилась на дверь, ожидая повторного явления тётки.

Что принесло родню — почти угадала. Хотя и глупо было ждать от Лизаветы такой осторожности, она бы не просилась — ломилась. На пороге стояла вдова князя, которую Степанида пропустила внутрь и подмигнула Алёне. Мол, ну вот и начинается.

— Здравствуй! — неуверенно улыбнулась вдова. — Я поговорить хотела, ты не против?

— Здравствуй. Садись, — вежливо предложила Алёна, с любопытством разглядывая гостью, которая отвечала тем же. У великого князя-то было не до того.

Имя Светлана очень подходило ей: кожа молочной белизны, глаза голубые, ясные, а из-под серого платка выглядывали золотистые прядки. Хороша — залюбуешься, неудивительно, что Краснов не смог пройти мимо. Грудь пышная, стан тонкий и гибкий, руки — белые, нежные, сразу видно боярскую дочь. Даже во вдовьем наряде Светлана была хороша, может получше, чем в богатых одеждах: простота платья оттеняла собственную живую красоту.

— О чём ты хотела поговорить? — первой не выдержала алатырница, устав попусту гадать.

— Признаться, ни о чём определённом, — смущённо улыбнулась она. — Познакомиться хотела, интересно. Я же, выходит, мачехой твоей побыть успела, а Иван мне ничего такого не говорил…

— Наверное, законного наследника ждал, — предположила Алёна с кривоватой улыбкой.

— Да, наверное, — эхом откликнулась вдова, нахмурилась. Несколько мгновений висела неловкая тишина, и на этот раз разговор постаралась завести именно гостья. — Ты не думай, я зла на тебя не держу, ни в чём не виню и не хочу дурного. Ты или не ты наследница — неважно, это я не успела от мужа понести. А он меня ещё успокаивал… — голос сорвался, Светлана глубоко вздохнула, явно стараясь справиться со слезами. — Я хотела с тобой познакомиться и, может быть, поддержать немного. Ты же здесь совсем одна, всё внове, трудно. Да ещё и с Лизаветой столкнуться без помощи — врагу не пожелаешь! Она и меня травить пыталась, когда я за её брата вышла. А я боярского рода, за мной и семья родительская встанет, а ты…

— Спасибо за заботу, — осторожно ответила Алёна. — А какая тебе в том надобность? Только из одного сочувствия?

— Не только, — через пару мгновений Светлана качнула головой, опустив глаза, и тихо добавила: — Забыться хочу. Все вокруг о нём напоминают. И словами, и взглядами, и лицами… Тошно. Я ведь правда его любила, он хороший был. Как злится — так сразу мне уйти велит. Понимал, что в гневе крут, старался не обидеть ненароком, — она прерывисто вздохнула и поспешила достать платок, чтобы спрятать проступившие слёзы.

— Хочешь взвара ягодного? — не зная, что ещё сказать, предложила Алёна. Когда гостья кивнула, сама наполнила собственную чарку и протянула ей.

Степанида всё это время сидела в углу с шитьём и делала вид, что её тут нет вовсе. Только глаза порой любопытно взблёскивали, когда на вдову поглядывала. И сочувствия в них Алёна не видела ни на медяшку. Но не удивлялась: Степанида чувствительностью души явно похвастать не могла.

— Спасибо. Прости, что я тут со своей печалью, тебе, должно быть, и самой тяжело…

— Не настолько, — возразила Алёна. — Я Ивана Никитича почти не знала, он всего пару раз сам приезжал, и то давно. И уж всяко думать не думала, что князь такую волю выкажет! Иван Никитич хотел в моей судьбе участие принять, жениха подобрать из соседских дворянских сыновей, не больше. А чтобы в сам Китеж-град, да пред великокняжеские очи…

— Боязно?

— Боязно, — согласилась Алёна.

— Я с радостью помогу тебе, если позволишь подругой твоей стать.

— Буду очень этому рада!

— Скажи, Алёна, а кто-нибудь из соседей по сердцу пришёлся? — заметно оживилась Светлана, во взгляде появилось любопытство.

— Нет, что ты! — поспешила возразить Алёна. — Я их и не видела толком, мы очень уединённо жили, меня Иван Никитич прятал. Не хотел прежде появления законного наследника обо мне говорить, берёг…

Если честно, она считала, что берёг князь исключительно себя и на прижитую на стороне дочку плевал, но не сердилась на него за это, даже благодарна была за ту жизнь, которой жила. Только не говорить же об этом случайной знакомой.

— Ты что же, совсем с парнями не гуляла? — вдова удивлённо выгнула брови.

— Как можно! — поспешила возмутиться Алёна. Может, слишком поспешила, но Светлана истолковала это по-своему:

— Бедная! Как же ты мужа выберешь?!

— На всё воля княжеская…

— Ну хоть присмотрись, сколько справных парней вокруг! А если князь какому-нибудь старику сосватает? Тебе же с ним жить, не ему! Нет, нельзя так, что ни говори. Я обязательно познакомлю тебя с достойными боярскими сыновьями!

Алёна и опомниться не успела, когда ближайшие её дни оказались распланированы от и до, да и о грядущем большом празднике, летнем солнцевороте — Озерице, до которой оставалось всего несколько дней, можно было не думать. Но последнему Алёна порадовалась, интересно было взглянуть, как празднуют его здесь, у Светлояра, вотчины озёрной девы.

Дома это был любимый праздник у молодёжи — разгульное веселье до рассвета, костры, купание при луне. Янтарь в эту ночь кипел внутри, и никакого хмеля не было нужно, чтобы почувствовать шальную радость жизни и отдаться духу праздника. Алёна понимала, что в княжеском дворце с дворянскими нравами всё происходило иначе, вряд ли так легко и весело, и с куда большим удовольствием встретила бы праздник где-нибудь на другой стороне озера, среди деревенских, вот где было бы здорово! Но кто же её пустит… Одна надежда оставалась: Светлояр рядом, не могло очарование праздничной ночи совсем не коснуться здешнего люда.

Но до Озерицы оставалось ещё несколько дней, а пока Алёне предстояло знакомство с княгиней и остальной свитой, тоже — повод для волнения. Точнее, был бы, если бы алатырнице оставили на него время: в возможность отвлечься Светлана вцепилась обеими руками и заговаривала свою почти падчерицу до самого вечера.

Она охотно и подробно рассказывала о подходящих женихах, на кого стоило обратить внимание, обещала познакомить при первой же возможности. Алёна поняла, что просто не сумеет сегодня уложить всё это в голове к тому, что разместила там Степанида, и спокойно пропускала болтовню мимо ушей. Она надеялась, что рыжая, которая тихонько слушала из своего угла, потом объяснит, на что из сказанного стоило обратить внимание.

Больше алатырницу занимал вопрос, как у Светланы скорбь о муже умещалась рядом с обещанием праздничного веселья. Кажется, блюсти траур так, как полагалось, молодая вдова и не думала, ну да алатырница не собиралась лезть не в своё дело и осуждать Светлану не

спешила. В конце концов, та очень недолго прожила в браке, и Матушка знает, какие на самом деле были у них отношения с мужем!

Кроме парней, Светлана на все лады расхваливала своих подружек из свиты княгини и саму княгиню. Как она благодарна им за поддержку и заботу, как сложно было бы без них справиться с утратой, какие они добрые и надёжные. Здесь Алёна слушала внимательнее и от услышанного немного успокоилась. Предупреждения Степаниды она помнила, но и Светлана как будто не врала! Может, не так уж всё плохо выйдет?

Заинтересовалась новая знакомая и одеждой Алёны. Что-то похвалила, что-то одобрила, на что-то милостиво махнула рукой, а часть, особенно праздничную, разругала. То «так сейчас не ходят», то «слишком бедно», то «слишком закрыто». Предложила даже забрать всё это и прислать взамен новое, но тут Алёна проявила упорство. Прислать — пусть, коли хочется, а своё отдавать не станет. Люди шили, старались, как же это — ни разу не надетое выбросить? Она лучше перешьёт. Наверное. Потом. Благо иголку держать умеет. Светлана посетовала, что такая скаредность княгине совсем не к лицу, но настаивать не стала.

Алёна и сама бы не бросилась переделывать всё по указке новой знакомой, но, глянув на Стешу, встревожилась. Рыжая следила за вдовой недобро, каждую вещь провожала взглядом, а когда Светлана предложила их забрать — и вовсе едва сдержалась, чтобы не броситься на защиту. Успокоилась, только услышав, что подопечная не намерена разбазаривать добро, глянула на молодую алатырницу одобрительно и опять вернулась к шитью.

Алёне очень хотелось спросить, откуда такие разногласия, но не выгонять же ради этого гостью! А потом стало и вовсе не до того, пришла пора идти к великой княгине на ужин.

Обеденная зала своим устройством ничем не отличалась от виденной Алёной в охотничьем доме. Тот же длинный стол с лавками, те же резные кресла для великокняжеской четы. Только вместо чучел здесь в двух углах высились посудники, где стояли расписные тарелки, резные чарки и другая утварь. Ответ, для чего это здесь, нашёлся быстро: когда Светлана провела спутницу к общему столу и уселась вместе с ней с правой стороны спиной к входу, не рядом с местом княгини, но и не на самом краю, маячивший в отдалении слуга подхватил с ближайшей полки всё нужное и поставил перед ними.

Народу оказалось меньше, чем Алёна ожидала, больше половины стола пустовало. На левой стороне сидело восемь женщин постарше, видимо замужних, которые негромко о чём-то переговаривались, а на правой — всего три молоденьких девушки, напротив которых Светлана и устроилась.

Одна — редкой красоты, Алёна и сравнить с кем-то не бралась, словно духи благословили при рождении. С волосами цвета спелой пшеницы, но с тёмными бровями и ресницами, отчего лицо казалось ярче, чем у Светланы. Глаза большие, редкого цвета бирюзы, губы нежные, совершенные — в меру полные, в меру яркие. Она немного снисходительно улыбалась и держалась гордо, как будто великой княгиней была именно она. Её звали Людмилой, была она рода дворянского, дочерью одного из княжеских воевод.

Другая — словно её отражение в пыльном зеркале. Миловидная, и отдельно от своей соседки была бы хороша, но здесь казалась тенью. Волосы обычные светло-русые, глаза обычные серые, да и лицо слишком простое. Боярская дочка Павлина смерила Алёну странным тяжёлым взглядом, но потом улыбнулась и стала в этот миг заметно краше.

Третья была богата толстой медной косой и яркими зелёными глазами, но лицо имела бледное и неподвижное, словно неживое. Алёна не сразу поняла, что оно просто выбелено чем-то и сквозь побелку эту едва заметно проглядывали веснушки. Алатырницу это озадачило, она точно знала, что травники умели делать средства, которые заставляли конопушки пропадать. Стоило оно дорого, было сложным, но неужто у боярской дочери золота нет? Один узорный платок на плечах стоил всяко дороже! Эту девицу звали Яной.

— Ты милая, — с улыбкой решила Людмила, когда Светлана всех назвала. — А почему у тебя такая тёмная кожа? Ты не успела с дороги в мыльню?

— Это не грязь, это загар, — вежливо пояснила Алёна, озадаченная таким странным вопросом.

— Загар? А отчего? — продолжила любопытствовать красавица, и Алёна озадачилась ещё больше.

Нет, она, разумеется, знала, что боярских дочек учат чему-то другому, нежели алатырников, но никогда не думала, что настолько. Что таким вещам вообще нужно учить.

— От солнца, — терпеливо пояснила она.

— Ну надо же, — хихикнула Людмила, и обе подружки заулыбались, и Светлана, сидевшая рядом, тоже. — И что, у всех так?

— У всех. Если долго находиться на солнце, появляется загар, — ровно ответила Алёна, чувствуя себя очень глупо. Вроде и отвечать не откажешься — спрашивают вежливо, но всё одно ерунда какая-то. Издеваются они так, что ли? Выставляя себя дурами, простых вещей не знающими? Странно…

— А зачем ты долго находилась на солнце? — безупречные тёмные брови выразительно выгнулись в удивлении.

— Она, наверное, коров пасла, — хихикнула рыжая. — Все в деревне пасут коров!

Остальные тоже засмеялась, а Алёна только молча вздохнула. Если в деревне все пасут коров, то кто делает всё остальное?.. Но боярышни, похоже, деревни в глаза не видели, выросли здесь, в стольном граде.

— Я просто люблю гулять, — ровно сказала она без лишних подробностей. Выдумывать не хотелось, а правда… В карауле да патрулях к концу лета не так почернеешь!

— Зачем? — округлила глаза Людмила.

Но от ответа на новый нелепый вопрос Алёну спасло появление ещё одной девушки, которая бросалась в глаза своей непохожестью на остальных. Небольшого роста, с богатой льняной косой в руку толщиной, одета она была скромнее прочих, и формы для юного возраста имела очень пышные, этакая сдобная булочка — золотистая, круглая, румяная.

— Здравствуйте, — неуверенно улыбнулась она и села на скамейку рядом с Алёной.

— Здравствуй, — вежливо ответила алатырница, а остальные сделали вид, что обращались не к ним.

Людмила только выразительно закатила ясные глаза и заговорила со своей соседкой о каком-то Алексее.

— Это княжеского ключника Вяткина дочь, Улька. Она дурочка малахольная, не обращай на неё внимания, — не сбавляя голоса, сказала Светлана, неприязненно наморщив хорошенький носик.

Алёна так опешила, что с ответом не нашлась, только глянула растерянно сначала на саму вдову, потом на Ульяну. Та уткнулась взглядом в пустую тарелку, низко повесив голову, и уши у неё горели от стыда или обиды. Слышала злые слова, это ясно. Почему не возразила? И зачем вообще было такое говорить?! Намеренно задеть? Что же сделала бывшей княгине дочка ключника Вяткина?..

Тут прервались уже все разговоры, потому что слуга распахнул дверь, и вошла довольно молодая женщина с уложенными вокруг головы чёрными волосами, в которых блестел тёмными лалами венец — меньше и тоньше княжеского, но явно одним мастером сделанный. Рядом с княгиней Софьей, по правую руку, важно шагал вихрастый светловолосый мальчишка шести лет — второй княжеский сын, а по левую — русая девочка постарше, ей исполнилось десять, явно повторявшая материнскую походку и старавшаяся держаться как она. А второй дочке было всего четыре, мала ещё за стол со взрослыми садиться.

При появлении княгини все поднялись, чтобы поклониться, та кивнула, скользнув по лицам взглядом, и прошла к своему стулу. Дочь усадила по правую руку от себя, а место великого занял его сын. Никто не удивился, дело было явно привычным, а Ярослав трапезничал где-то в иных покоях, что больше прежнего утвердило Алёну в неприязни к здешним порядкам. В её родном доме ужин был тем временем, когда за одним большим столом собиралась вся семья, и дико было представить, что дед с бабушкой ели бы отдельно, да ещё в разных комнатах.

После княгини все сели, и к столу потянулась вереница слуг с блюдами. Алёна проголодаться ещё не успела, потому за проплывающими мимо яствами следила без жадности, рассеянно, думая о другом.

О княгине. Она была… странной.

Конечно, хороша собой. Статная, яркая, венец Софья несла гордо, но без надменности, и без венца было бы ясно, кто вошёл в обеденную залу. И не только в самой Алёне, далёкой от дворцовых порядков, но и в сидящих возле девушках, при всей их красоте, не было и на волос того странного, притягательного очарования. Величия живого, уместного, какое легко видеть в горах и старых деревьях, но неожиданно — в молодой женщине.

Да и вся её наружность… У надменной Людмилы было совершенное лицо, у княгини — нет, но именно её хотелось разглядывать. Карие глубоко посаженные глаза с поволокой, тонкий нос, острые скулы… Алёна не знала, почему великий князь, овдовев, взял эту женщину второй женой, но подумала, что остаться к ней равнодушным не смог бы никто.

Но взгляд Софьи пугал. Тёмный, словно бездонная трещина в скалах, и как будто такой же пустой, направленный внутрь. Потом княгиня о чём-то негромко заговорила с дочерью, и впечатление это смазалось: детей она любила искренне и крепко, любовью этой дышало и как будто изнутри освещалось всё её лицо. А те отвечали взаимностью, и это тоже было видно: в том, как охотно девочка что-то рассказывала, в том, как юный княжич с очень важным видом ухаживал за матерью, старался подать ей всё самое лучшее. И ворчал, наверное повторяя за кем-то старшим, что она совсем плохо ест.

Через некоторое время княгиня обратила своё внимание и на свиту.

— Девушки-красавицы, а расскажите, что за новое лицо появилось за нашим столом? — заговорила она, глядя прямо на Алёну. Голос был глубокий и очень красивый, чарующий, под стать облику.

Алатырница подскочила на стуле, но вовремя опомнилась, что докладывать по уставу совсем неуместно, растерянно замерла под смех девушек. Княгиня тоже улыбнулась, но не насмешливо, а по-матерински ласково, а потом Ульяна потянула Алёну за рукав вниз и прошептала тихо:

— Сядь, не надо.

— Можно я скажу? — звонко проговорила Людмила и продолжила, не дожидаясь разрешения: — Это Алёна, побочная дочка князя Краснова, она к нам из деревни приехала. Очень любит гулять по солнцу, так что это у неё не грязь, а загар.

— С коровами гулять, — хихикнула рыжая Яна.

Засмеялись и остальные, а Алёна только покривилась слегка — она ничего смешного в этих глупостях не видела. Княгиня продолжала вежливо улыбаться, с интересом разглядывая алатырницу. Было ли в том интересе что-то ещё — одобрение или, напротив, недовольство, — Алёна не поняла.

— Новая княгиня Краснова, значит? — задумчиво проговорила Софья.

Показалось или и впрямь на этих словах по лицу Людмилы скользнула тень недовольства?

— Да, ваша светлость, — ответила Алёна, не до конца понимая, что именно княгиня желала услышать в ответ. Но молчать показалось невежливым.

— Добро пожаловать в Китеж-град. Надеюсь, тебе здесь понравится, — спокойно сказала Софья и, кивнув в ответ на вежливое «спасибо», вновь заговорила с дочерью.

Девушки напротив опять зашушукались, поглядывая на алатырницу — видно, её обсуждали и над чем-то посмеивались. Странные они…

— Попробуй рыбу, — тихо предложила рядом Ульяна.

— Какую рыбу? — растерянно переспросила Алёна, стряхивая задумчивость.

— Щука хороша, — приободрилась девушка. — Её здесь, на Светлояре ловят, свежая совсем. И кухарка княжеская с ней обращаться умеет. Её часто пересушивают. Ой, а вот пирожки эти лучше не брать, очень сала много. И лука. Невкусно. И нож так не надо держать, ты словно нападать на кого-то собралась. Вот так..

Щука действительно оказалась хороша, но чем дольше Алёна слушала свою соседку, тем маетнее и хуже становилось на душе. Она уже готова была согласиться, что болтушка Ульяна действительно дурочка, и от этого делалось противно. Потому что и остальные боярышни приязни не вызывали, и кусок совсем не лез в горло, хотя всё было вкусно. На взгляд Алёны — и то, что ругала соседка, тоже.

В конце концов она извинилась перед княгиней и, сославшись на усталость с дороги, попросила отпустить её отдыхать. Та благосклонно кивнула, и алатырница с облегчением удрала из обеденной залы. Ей действительно требовался отдых от всех этих людей.

— Алёна, подожди! — Не успела она сделать и десяти шагов, как из залы следом выкатилась Ульяна.

— Что такое? — стараясь держаться ровнее и не показывать недовольства, Алёна обернулась.

— Светлана велела передать, что, как стемнеет, в Моховом покое посиделки будут, приходи. Будем шить, песни петь, — неуверенно улыбнулась боярышня.

— Велела передать? — удивилась алатырница. — А почему тебя?

— Ну… Почему нет, я же на краю сидела. — Ульяна неловко пожала плечами и опустила взгляд.

— Я постараюсь прийти, — как могла мягко сказала она. — Это всё? Спасибо.

Дождавшись ответного неуверенного кивка, Алёна опять двинулась в сторону своих покоев. А через пару мгновений её догнало запоздалое:

— Приходи, пожалуйста! Я буду ждать…

Лучше бы она промолчала, потому что от сказанного сделалось совсем уж гадко, как будто алатырница успела новую знакомую всерьёз обидеть, но не поняла когда и чем.

До покоев, по счастью, было недалеко, а там нашлась Степанида, которая преспокойно рукодельничала в углу, словно и с места не сдвинулась за всё это время. Однако разбросанные Светланой вещи вернулись в сундуки, да и грязная посуда пропала.

— Что-то ты быстро, — заметила Стеша, окинув внимательным взглядом подопечную. — Как прошло?

— Странные они все какие-то, — призналась Алёна. — Ну да Матушка с ними, мне просто есть не хотелось, а слушать их скучно.

— Напрасно, стоило бы послушать, — задумчиво проговорила рыжая. — Ты вообще побольше с ними старайся быть, знакомства среди боярских сыновей заводи. Чтобы видно было, что к словам князя ты отнеслась серьёзно, намерена быть хорошей княгиней, и всё такое.

— А зачем мне для этого с девицами общаться?

— Не только с ними, со всеми. Полезные знакомства никогда лишними не бывают. Вот с кем ты сегодня познакомилась за ужином?..

Алёна бесцеремонно улеглась на скамью у печки, которая оказалась достаточно широкой, но чуть коротковатой — ноги свисали. Сладко потянулась всем телом, закинула руки за голову

и, прикрыв глаза, принялась перечислять. Предсказуемо полезным знакомством была признана только княгиня, а остальные имена заставили Стешу задуматься.

— И как тебе эти четыре девицы?

— Не знаю. Неладно. Дружить с ними я точно не хочу. А что?

— Это из совсем молодых, недавно тут, при дворце, — пояснила рыжая. — Я их не знаю. Ну, кроме Ульяны. Она у Вяткина единственная младшая дочка, четверо старших сыновей, так что любимица и отрада что материнская, что братская. Она в поместье под Китежем росла, там привольно, а сюда её отец привёз, чтобы мужа подостойнее подобрать. Всё-таки чин у него очень высокий, богатства немалые, может перебирать. А дочка… Ну, дочка как дочка. Тихая, робкая, даже как будто не балованная. Другие три… Узнаю. Отцов знаю, это да, а про самих боярышень поспрашиваю.

— Да, к слову о боярышнях, я же спросить хотела. Отчего Светлана ругала наряды? Что с ними не так?

— Не бери в голову, — недовольно отмахнулась Стеша. — Всё с ними хорошо, это со вдовой что-то неладно. То ли по одежде красивой соскучилась, то ли вкус у неё подурнел после кончины мужа. Или вовсе злобствует баба.

— Ты думаешь? — с сомнением спросила Алёна. — Почему? Мне она показалась искренней…

— Мне тоже показалась, но советы её дурные, — пояснила Степанида. — Оно, конечно, и то, что она говорила, можно носить, и прилично будет, но… Уж больно крикливо выйдет. Ты у нас княгиня, а не дочка разбогатевшего на самоцветах купца, чтобы каменьями этими с ног до головы увешаться. В общем, говорю же, не думай о том. Ты ей правильно не дала собой помыкать, но могла бы и потвёрже на своём стоять. Или нет, — добавила через пару мгновений. — Где девочке из глуши решимости набраться, верно? В общем, не думай о ней.

— Значит, на посиделки к ним мне пойти стоит, да? — вздохнула Алёна и пояснила, не дожидаясь вопроса: — Сегодня вечером, как стемнеет. Позвали песни петь и шить.

— Иди, иди, нечего в покоях куковать, — насмешливо велела Степанида. — Нешто боишься девок боярских?

— Не подначивай, не поведусь, — отмахнулась княгиня. — Не нравятся они мне, да и только, а волков бояться — в лес не ходить. Лучше вот что скажи, а то я запамятовала спросить, — она опомнилась, села на скамье. — Отчего Вьюжин со старой княгиней так странно держится? И отчего она ему спускает?

— А-а, это, — усмехнулась Стеша. — Старая история. Расскажу, она ух какая! Но не проболтайся Вьюжину. Не то чтобы тайна, но уже забылось, так и не надо вновь на свет вытаскивать. Бабка твоя по молодости хороша была — загляденье, от неё мужики головы теряли. Вот и Вьюжин тогда потерял. Только Людмила князя Краснова выбрала, князь повыгоднее второго боярского сына. И князя на себе женила, когда от него понесла. А могла и не от него, от Вьюжина.

— То есть погоди, она с обоими?.. — удивилась Алёна. — А что же мне говорила про честь девичью?!

— И как бы только с двумя, — насмешливо отмахнулась Степанида. — Привыкай. Тут, небось, половина девиц при дворце не девицы давно, но тайну блюдут. Здесь главное — что снаружи, не что внутри.

— Как-то это… нечестно, — с трудом подобрала Алёна слово.

— Честно! Ишь чего удумала, честность ей подавай! — Стеша пренебрежительно отмахнулась. — Ну ладно, ты дальше-то слушать будешь?

— А это ещё не всё?

— Самое начало! Вьюжин тогда шум поднимать не стал, а когда младенчик родился — и вовсе оказалось, что угадала она, алатырник отцовство подтвердил. Или не угадала, а раньше

проверила, некоторые лекари такое умеют. Вьюжин горевал недолго, женился, и поудачнее, чем князь Краснов. Да только с княгиней через много лет столкнулся, когда та овдовела. Мужа она как будто к Матушке и не отправляла, там вроде бы чисто всё вышло, а вот отца твоего едва не уморила.

— Погоди, как так? Родного сына?! — ещё больше растерялась Алёна.

— До власти жадная была, не хотела княжество передавать, задумала Ивана с ума свести, чтобы от его имени править. Ярослав его спас, тогда ещё наследник. Заметил, что с дружком верным неладное было перед отъездом в поместье, встревожился, видно, почуял что-то. Лекаря княжеского привёз, Вьюжина тоже, ну и вскрылось. С тех пор княгиня во вдовьем доме и кукует. Может, и стоило её куда подальше сослать, а то и вовсе казнить, но старый князь мудрым был. Для такой, как она, безвестность в глуши страшнее казни и застенков. Ты чего так скривилась? Не люба родня? — усмехнулась Степанида.

— Жила без такой родни двадцать лет, и ещё бы прожила, — честно ответила алатырница. — В голове не укладывается… Своего сына, первенца! Всякое в народе случалось, в голодные годы детей в лес относили, когда прокормить не могли. Колотят, бывает, кто без ума или пьёт без меры. Но вот так, чтобы холодным рассудком, своею волей, не от голода и безысходности… Никогда такого не пойму! Стеша, давай мы поскорее этого убийцу найдём, хорошо?

Рыжая в ответ рассмеялась, но обещать лишнего не стала.

К счастью, до вечера больше никого к новоявленной княгине не принесло. Посоветовавшись с помощницей, Алёна решила тратить время на посиделках не совсем уж попусту и кроме шитья взять ещё книгу. Библиотека в княжеских палатах была, и была она хороша и огромна, и сложнее всего оказалось не выдать себя и не спросить какой-то редкий том, о которых в алатырской школе рассказывали, но каких там не водилось. Но даже среди приличного для молодой княгини нашлось из чего выбрать. Сошлись в конце на сказаниях о начале времён, такого полного собрания Алёна прежде не встречала.

Рыжая потешалась над подопечной из-за размера книги, которая в корзинку для рукоделия не влезала, но всерьёз не спорила. Тем более, на счастье Алёны, над этим огромным трудом поработали и алатырники, так что весила книга много меньше, чем могла бы. И, видно, благодаря чарам же ценную старую книгу разрешили взять к себе: те защищали не только от порчи и грязи, но и от кражи, вынести её за пределы княжеских палат было нельзя.

Степанида тоже взяла себе что-то для чтения и провожать подопечную не пошла. Точнее, она предложила, но Алёна отказалась: не всегда же рядом будет нянька, надо и самой учиться. Язык, говорят, и до Китежа доведёт, а ей так далеко не надо, она уже тут.

Глава 4. Княжеский воевода

Молодой парень, совсем ещё мальчишка, который попался Алёне на пути и у которого она узнавала дорогу, вопросу очень удивился. Два раза переспросил, точно ли нужен Моховой покой, и под его изумлённым взглядом Алёна всерьёз засомневалась. А потом рассердилась и на себя, и на мальчишку. Есть такой покой? Есть. Значит, веди, нечего глупые вопросы задавать!

К удивлению алатырницы, повели её прочь из княгининого терема. От этого она ещё сильнее засомневалась, потому что посиделки как будто планировались в женском кругу, почему здесь? Но тут же себя успокоила: если окажется, что что-то не так поняла или запомнила, извинится и выйдет. Не к голодным же волкам её в клетку втолкнут!

— Вот, — шмыгнув носом, парнишка ткнул пальцем в высокую тёмную окованную дверь в хмуром тупике. Вот уж действительно — Моховой! Сразу с порога. И ведь как забавно совпало, практически по месту службы.

Алёна окинула дверь уважительным взглядом — не всякий таран возьмёт. Интересно, что же за такой прятали? Не казну, конечно, большие ценности всегда в подклети без окон хранят, но не просто же так эту дверь посреди терема поставили! Да и с посиделками явно какая-то путаница вышла, вряд ли тут найдётся тихая светлая горница.

Алатырница запоздало решила расспросить проводника подробнее, оглянулась — а мальчишки и след простыл. Осталось только пожать плечами и рискнуть.

Стучать она не стала, — тут колотушка нужна, чтобы внутри услышали! — просто потянула за ручку. Если никого нет и входить нельзя, то будет заперто, верно?

Дверь поддалась, и поддалась неожиданно легко, без подспудно ожидавшегося скрипа. Тяжёлое полотно мягко повернулось на петлях, впуская девушку в сумрачную комнату. Сразу стало ясно, отчего покой Моховой: пол выложен немного пористым, шершавым зелёным камнем, и стены зелёные с тонкими золотыми узорами. И мебель не то из болотного дерева, не то ловко под него сделана. А впрочем, уж в великокняжеских палатах вряд ли найдётся место подделке!

Но обстановку полупустой комнаты Алёна отметила мельком, взгляд прочно зацепился за единственного человека, находившегося здесь. Нестарый, плечистый мужчина без бороды, с короткими рыжими волосами, с закрытым чёрной повязкой глазом, одетый по-простому — рубаха, штаны тёмные, кабы не сапоги высокие — за слугу сошёл бы. Он вольготно расселся в кресле, согнув одну ногу и упираясь пяткой в сиденье, прямо на столе лежал кусок окорока и ополовиненная краюха хлеба, стояла тёмная бутылка. На глазах Алёны мужчина кинжалом — точно ведь кинжалом, не просто ножом! — отхватил от окорока шмат и бросил лежащему у ног огромному псу.

Тот гостью как раз заметил, но волнения не проявил и охотно отвлёкся на подачку, а там и человек поднял взгляд.

Алёна столько раз рисовала в воображении это мгновение, что напрочь забыла, где находится. Сделала шаг вперёд, легко перебросила корзинку с рукоделием в левую руку, правую вскинула к плечу и звонко проговорила затверженные за время службы слова:

— Хорунжий пятой Моховой заставы Алёна… — запнулась, не сообразив, какую фамилию нужно назвать, а потом и вовсе осеклась, понимая, что говорит совсем не то.

— Оригинальный подкат, — пробормотал мужчина.

— Что? — алатырница сказанного не поняла и оттого переспросила — быстро и бездумно, иначе точно не решилась бы рта раскрыть.

— Говорю, это что-то новенькое, — ответил он. — Кто подучил?

— Чему? — совсем растерялась девушка и обеими руками ухватилась за ручку корзинки, словно за спасительную верёвку, которая единственная могла вытащить из трещины.

Наверное, окажись здесь кто-то другой, Алёна бы просто извинилась и вышла. А сейчас стояла, хлопала глазами и не могла отвести взгляд. Потому что напротив сидел {*он*}.

Рубцов Олег Сергеевич. Первый княжеский воевода, прозванный Янтарноглазым. Чёрный янтарь редкой, удивительной, былинной силы. Не просто земля — то, что называется «соль земли». Он выиграл последнюю войну с болотниками, он поднял Граничный Хребет — скалистую гряду, отделившую Великую Топь от Белогорья надёжнее любых чар. Он подарил приграничным землям и их жителям покой, какого они не знали никогда прежде.

Алёнин дед Иван Никанорович отзывался о нём с таким уважением, какого не питал ни к князьям, ни к кому другому. Пластун из рода пластунов, пестовавший мальчишек, познакомился с Рубцовым, прибывшим под его начало на заставу, четырнадцать лет назад. Дед не раз говорил, что не он учил новобранца, а сам у него многому учился: этот молодой парень в свои двадцать три знал и умел больше, чем опытный седой воин. Шашкой махал что дубиной, Иван Никанорович диву давался, но без оружия хорош был настолько, что впору за ним записывать.

Два года ушло у этого паренька, чтобы дослужиться до воеводы. Да, во многом благодаря удивительно сильному дару, и с появлением Хребта не то что простые крестьяне — ему князья руки целовать должны были!

Двенадцать лет назад Алёна видела его последний и единственный раз, когда приезжал проститься с дедом. Украдкой видела, нечего детям лезть, когда старшие о своём говорят. Даже не подумала за эти дни о том, что он окажется здесь, при княжьем дворце, хотя, казалось бы, где же ему ещё быть — первому воеводе?

И за эти двенадцать лет он совсем…

Нет. Не изменился он там, в её голове, а сейчас перед Алёной сидел и он, и как будто совсем не он. Рыжие волосы всё так же коротко острижены, но теперь в них густая проседь. Откуда, ведь сорока ещё нет! И тогда, после войны, не было. А повязка через правый глаз — всё та же, простая чёрная лента. Алёна долго донимала деда, пытаясь выяснить, что с его глазом. Тот ведь знал, точно знал, но только отмахивался — не твоё дело. А она знала, что это не простая рана, да и рана ли вообще? Ровная кожа вокруг, ни царапинки, ни шрама, и ресницы под тонкой повязкой как будто двигаются…

И одежда эта… Удобная, понятная, привычная, но место ли ей здесь и сейчас? Должна быть другая. Красивая, нарядная, ладно сидящая на крепких плечах. И улыбка должна быть — та самая, живая, которой он улыбался деду и, казалось, ей самой, подглядывающей из-за занавески.

Но улыбки не было. Была косая, недобрая ухмылка, скривившая и словно разрезавшая лицо, крепко засевшее в памяти. Как будто простое, как бабка говорит — пучок на пятачок. Но краше Алёна никогда не видела.

Радужка целого глаза — прежнего цвета, странного, оранжевого. Янтарного, тёплого. За него, говорят, и прозвали. В сумраке Алёна не видела, но точно это знала. А лицо… Лицо всё-таки как чужое. Похудевшее, бледное. Может, он нездоров?

— Эй, чернявая! — резко окликнул воевода, кинжал легко провернулся в ладони и на полвершка ушёл в дерево стола. — Ты меня слышишь вообще?

— Простите, воевода, я… случайно сюда вошла, — отмерла наконец Алёна. — Мне сказали в Моховой покой прийти, на девичьи посиделки, должно быть, попутала что-то. Я тут только первый день.

Она опустила глаза, встретилась с умным и словно печальным взглядом карих собачьих глаз. Неделянская порода. Огромный пёс, какими медведей травили, с широким лбом и вислыми ушами. Серой, волчьей масти, но на волка не похожий совсем.

Пса Алёна тоже знала, воеводе подарили щенка у них. Не дед, его друг, он этих псов для охотников разводил, и были они, поговаривали, лучше великокняжеских.

— Первый день? — переспросил воевода. Сделал несколько глотков из бутылки, утёр губы тыльной стороной ладони — Алёна видела, украдкой вскинула на него взгляд, но тут же опустила вновь. Пёс у ног мужчины шумно, тяжело вздохнул. — Кто бы тебя сюда ни послал, добра он тебе не желал. Поменьше его слушай.

— Почему не желал? — девушка с таким искренним изумлением вскинула на него взгляд, что воевода в первый момент не нашёл, что ответить.

— Ты знаешь ли, кто я такой?

— Конечно, знаю! Первый его княжеской светлости воевода, Рубцов Олег Сергеевич. Янтарноглазый, соль земли. Это благодаря вам Хребет появился, вы нас от болотников закрыли!

Умолкнуть её заставило не то, что закончились слова, а искреннее удивление и недоверие на лице мужчины.

Но продолжить разговор не получилось, за спиной Алёны прошелестела, открываясь, дверь. Взгляд воеводы опять сделался колючим и недобрым, как в самом начале, когда алатырница нарушила его уединение, а потом повисшую тишину разбил торопливый голос Светланы:

— Ну куда тебя занесло? — Вдова цепко ухватила Алёну за локоть. — Простите нас, пожалуйста, она всё перепутала! Не Моховой покой, а Малахитовый! Не сердитесь, мы уже уходим!

Алатырница бросила ещё один взгляд через плечо, но прочитать выражение лица воеводы не успела, дверь захлопнулась.

— Ух! Алёна, ну как же ты так? Все же знают, что в Моховой покой соваться нельзя, там же этот! — возмущённо говорила вдова, таща спутницу за локоть прочь. — Он тебя обидеть не успел?

— Как обидеть? — растерянно переспросила Алёна и недовольно отдёрнула руку. — Пусти меня, что ты вцепилась?!

— Ох, извини, я так испугалась! Нагрубить, а то и кинуть чем или пса своего жуткого натравить, вот же чудовище! Да оба хороши, — ворчала Светлана. — А Улька дура, надо же было перепутать! Благо сейчас вспомнила, куда тебя отправила.

— Но это же воевода Рубцов! — пробормотала Алёна. — Это же он последнюю войну с болотниками выиграл…

— Что бы он там ни выиграл, а сейчас от него лучше подальше держаться, — вдова наморщила нос. — Пьяный, грубый и неотёсанный, вот уж вояка! И зачем ему великий князь дворянство только пожаловал!

— Но он же всех нас защитил!

— Да вот ещё, всех! — недовольно отмахнулась Светлана. — Они к Китежу на полёт стрелы не подойдут, болотники эти, Светлояр не позволит.

Алёна искоса зло глянула на вдову, собралась возразить, но в последнее мгновение передумала. Не о чем с ней говорить, и спорить тоже. Пустое. Не разговор — сердце пустое. И теперь, прежде чем верить этой родственнице хоть в чём-то, стоило крепко подумать. Если она и в самом деле не желает зла, то не обязательно ведь хочет добра. Да и надо ли Алёне такое добро?

Светлана ещё говорила, и спрашивала, и ворчала на Алёну за то, что та не дала ещё указания перешить свои вещи. Алатырница и здесь не спорила — она почти не слушала, думая о недавней встрече. И чем больше думала, тем горше становилось на душе.

Как бы ни злилась она сейчас на Светлану, но кое в чём та была права. Воевода и впрямь переменился в сравнении с тем, каким она его помнила. И не в лучшую сторону. И стыдно уже было за свою детскую ревность, которую всегда питала, вспоминая этого мужчину. Да

пусть бы он был женат, пусть орава детишек, но счастлив, а не… вот так. Да разве ж это воин? Кинжалом, своим кинжалом, верным защитником и другом — кромсать окорок?!

Некстати подумалось, что, не будь он пластуном, зарос бы серо-бурой бородой и выглядел ещё грязнее. Если иные мужчины отпускали бороды и считали своей гордостью, то пластуны всегда начисто выводили лишние волосы специальным зельем, да и головы часто брили. Они если и сталкивались с врагом впрямую, то только лицом к лицу, вплотную, а в такой сшибке лишние волосья — возможность для врага. Схватить за бороду, взмахнуть кривым острым ножом — и нет пластуна.

Нет, не случайно подумалось. Вспомнился один. Бирюком у них в станице жил, на окраине. Тихий был, но пил беспробудно и всё по окрестным лесам шатался. Так и сгинул по зиме, искали, но куда там! Говорили, бадзула привязалась — злобный дух, сводивший людей с ума, заставлявший опускаться и бродяжничать.

Глупость, конечно. И без чужого вмешательства люди оступаются. Был у них алый янтарь в станице, который духов и нечисть усмирял, так он бы заметил. И во дворце бы тем более заметили, если бы к воеводе этакая нечисть прицепилась. Сам он, точно сам.

Думать о том, что Янтарноглазый закончит жизнь так же, как тот пьяница, было невыносимо.

— Скажи, и давно он… вот так? — спросила Алёна наконец.

— Кто?

— Воевода.

— Ой, ты спросила! Да сколько его помню. Шатается по дворцу что леший по полю, — неприязненно отмахнулась она. — Изредка вон только к князю является по приказанию да по берегу, говорят, бродит ночами. Сейчас небось наберётся и пойдёт.

— Зачем? — не поняла Алёна.

— Да пойди узнай, что у него на уме! К русалкам ходит, живые-то бабы от него бегают, — рассмеялась она. — Да что тебе до него за дело?

— Жаль его. Воин славный, алатырник могучий, и вот…

— Нашла тоже, кого жалеть! Или тебе наш медведь-шатун по сердцу пришёлся? — хитро, искоса глянула вдова.

Тут Алёна без труда сумела сдержаться. Она родным-то свою сердечную тайну не поверяла, что о случайных людях говорить! И давно научилась отвечать на такие вопросы ровно, не вызывая подозрений. Неопределённо повела плечами, слегка качнула головой.

— Откуда, я же и не знаю его! Так только, слышала. Нянюшка моя с приграничных земель была, а там про Янтарноглазого песни поют и детям сказки рассказывают.

Соврала, но за ложь совестно не было. Не говорить же, что девчонкой в него влюбилась, ещё когда не знала, когда дедовы рассказы слушала и остальных стариков. А уж после, когда увидела… Как он смеялся, как глядел — чуть насмешливо, щурясь на солнце.

Алёна никогда не искала с ним встречи. Ну куда там? Он воевода, Янтарноглазый, а она что — простая станичница. Хорунжий. Да она даже на границу пошла не из-за него, честное слово. За неё всё янтарь решил: жгучее злое пламя не греет, оно создано сжигать, и против болотников вернее средства нет, боятся они его. И действительно старалась забыть глупое детское увлечение, найти кого-то рядом, поближе, попроще. Да только в сравнение с ним никто не шёл, ни на кого больше сердце не отзывалось.

И вдруг — эта встреча. Как же она не подумала, что он должен быть тут, при княжеском дворце?..

За разговором они незаметно дошли до нужного места, и обсуждение достоинств и недостатков княжеского воеводы на этом, к облегчению Алёны, прервалось.

В Малахитовом покое было очень светло, сразу видно, что собирались рукоделием заниматься. На высоких подставках ярко горели светцы — созданные алатырниками, они напоми-

нали крупные куски льда и точно так же таяли, только исходили не на воду, а на свет. Делались легко, служили долго и в ходу были не только в великокняжеском дворце, но и в купеческих домах, и у крестьян, у кого хозяйство покрепче.

Резные скамьи вдоль стен, два больших ларя с непонятным содержимым. В дальнем углу стояла изумительной красоты прялка, но к ней никто из девушек не притрагивался. То ли не хотели, то ли вещь эта принадлежала лично княгине.

Рукодельниц набралось немного — все знакомые Алёны по ужину, и ещё две девушки, которых там не было, держались особняком. Оглядевшись, алатырница поспешила занять место на краю. Пусть рядом со странной дочкой Вяткина, но зато и Светлана близко не устроится. Может, Ульяна и чудаковатая, но родственница чем дальше, тем большую вызывала неприязнь.

— Ульяна, ну и глупая же ты! — заявила вдова, остановившись в сажени от них и смерив Алёну недовольным взглядом.

— Но ты сама говорила про Моховой покой! — попыталась возразить та. — Я ещё удивилась, потому что все знают…

— Не выдумывай! — прикрикнула Светлана. — Вот и девушки могут подтвердить, про Малахитовый речь была.

— Про Малахитовый, конечно, — с мягкой улыбкой согласилась Людмила, и Ульяна опять низко опустила голову, почти уткнувшись в своё шитьё.

— Алёна, ну что ты там притулилась с этой малахольной? — всё-таки не выдержала вдова. — Иди к нам!

— Мне и тут удобно, — отмахнулась Алёна, раскрывая на коленях книгу.

— Ой, смотри! А вдруг это заразно?

— Будет не только грязной, но и глупой! — рассмеялась рыжая Яна.

— Зря ты так, — тихо проговорила Ульяна и взялась за иголку, ни на кого не глядя. — Они теперь и тебя заклюют.

— Клювы поломают. — Алёна недобро глянула на боярышень, тихонько, с хихиканьем, шушукавшихся на другом конце комнаты. — Зачем она меня туда вообще отправила?

— Ты не думаешь, что это я напутала? — Ульяна подняла на алатырницу удивлённый взгляд.

— Ты напутала, а она так быстро всполошилась? — Алёна усмехнулась. — Кстати, и впрямь быстро, отчего она так скоро за мной побежала?

— Наверное, не хотела весь шум пропустить, — предположила боярышня задумчиво.

— Шум?

— Воевода сейчас хоть и в унынии, но всё-таки он близкий друг князя, обласкан, одарен богатыми землями — наш князь умеет быть благодарным. — При виде интереса собеседницы Ульяна заметно оживилась и расцвела, ей явно недоставало кого-то, с кем можно спокойно поговорить. Алёна вновь прониклась жалостью к боярской дочке: у неё самой была Степанида, да и ненадолго она здесь, а Ульяне и деться некуда. Малахольная она или нет, но хоть не такая ядовитая, как Светлана с подружками. — Сейчас воевода не так близок к его светлости, как раньше, у великого князя иные интересы, но и не в опале. Его светлость сейчас о кораблях думает, мечтает за море-океан заплыть! Там, говорят, другие земли могут быть, совсем как наша, а может, и другие люди, представляешь?

— Или другие болотники, — поддержала Алёна задумчиво. — Ну а шум при чём?

— Так воевода неженатый. И некоторые девицы, чаще из дворянских дочек, кто победнее, считают его подходящей парой. Ну и пристают. Приставали. Уже, наверное, с год никто не рискует. Он то вроде терпел-терпел, а потом рассердился и девиц этих, говорили, взашей выталкивать начал. Одну даже из собственной спальни, и та девушка кричала, что он её обес-

честил, а он только ругался крепко и говорил, что, мол, чести там отродясь не водилось. И не женился, разумеется. Она вроде сама к нему голая в постель залезла, ох он и злой был!

— Погоди, а откуда ты всё это знаешь? — удивилась алатырница. — Если это давно было.

— Мне брат рассказывал, он в княжеской дружине служит. Очень они воеводу Рубцова крепко уважают, но также крепко сердятся на него за то, что сдал в последние годы. Жаль его, чахнет он здесь, а князь от себя не отпускает — первый воевода же, должен быть при князе. А он ведь даже охоту не любит, вот и… — Ульяна грустно вздохнула.

— То есть ты думаешь, Светлана хотела посмотреть, как он меня взашей гнать будет? — переспросила Алёна.

— Ну да. Наверное. А что, не ругался?

— Рассердился поначалу, теперь понимаю отчего. Но я же к нему не липла, извинилась, и я его тоже очень уважаю… Но отчего князь его не отпустит? Нешто не видит, что погибает человек?

— Да может, и не князь это вовсе, может, он и сам никуда идти не хочет! — горячо возразила Ульяна, противореча самой себе. — Может, он и не просился вовсе, всё одно никакой войны нет. Может, он бы и в другом месте так же пропадал бы!

— Твоя правда, — согласилась Алёна.

Вот уж верное слово — пропадает. Действительно. И жаль до слёз, и совсем непонятно, можно ли чем-то помочь? И нужно ли?

Последний вопрос алатырница отсеяла сразу. Нельзя хотя бы не попытаться, нельзя бросить хорошего человека в беде, ясно же, что один он не справится.

А вот со всеми остальными было сложнее. И боязно, и совестно навязываться, да и чем помочь — неясно. И совета спросить негде. С дедом бы поговорить! Вот уж кто мог дельный совет дать и понял бы, как никто другой, — что внучку свою, что воеводу. Сесть с ним у самовара, поговорить не спеша… Он вообще очень умный, и рассудительный, и людей хорошо знает, и жизнь. Или с бабушкой, в ней житейской мудрости ещё побольше будет.

Но до родных далеко, а здесь была только Степанида. Алёна не настолько ей доверяла, чтобы делиться сокровенными тайнами. И в чуткости её очень сомневалась: Стеша резкая, непримиримая, она, кажется, вообще на сочувствие не способна. Коли княгиню без оговорок полагала виноватой в том, что муж с девками блудливыми путается, то и здесь виноват будет сам воевода.

А даже если и так, и если действительно сам он виноват, и проблема в нём, что ж теперь, позволить человеку пропадать?

Можно бы было найти письмовную шкатулку, наверняка у Степаниды что-то такое есть, и отписать деду. Но, подумав, Алёна всё-таки оставила это на крайний случай. В письме всего не скажешь, да и объяснять придётся, как она вообще умудрилась встретиться с Янтарноглазым, как во дворце оказалась, а такого Вьюжин всяко не одобрит.

Некоторое время алатырница и её соседка помолчали, занятые своими делами. Ульяна вышивала бесконечный сложный красно-золотой узор по белому гладкому полотну, Алёна — безуспешно пыталась увлечь себя книгой. Вскоре она обратила внимание, что собственно рукоделием занималась одна только боярышня Вяткина, остальные девушки даже не открывали корзинки. Оживлённо болтали двумя группками, то и дело слышались незнакомые имена и смешки, и собрались девицы на эти посиделки, кажется, только чтобы посплетничать.

Пару раз Алёну попытались втянуть в разговор вроде того, который был за ужином, но она лишь невнятно отмахивалась, не прислушиваясь, и вскоре девицы потеряли интерес.

— Зря ты всё-таки так с ними, житья не дадут, — вдевая новую нитку, заговорила Ульяна.

— Захотят — и без этого не дадут. Тебе же вот не дают. Отчего ты у них на побегушках? Твой отец высокий чин имеет, при князе, и братья старшие есть, не бедная сиротка…

— Матушку расстраивать не хочу, — вздохнула Ульяна. — Она болеет сильно. Я вот для неё шью платок, красиво?

— Очень, — искренне похвалила алатырница. — А что с ней?

— Хворь у неё незаразная, — поспешила заверить девушка. — Но чахнет на глазах. Лекари руками разводят, уж кого только отец не звал! К Озерице самой на поклон ходил — не помогла. Сам не свой потом седмицу целую был, мрачнее тучи. Нам не сказал, но, думаю, дева озёрная велела с ней проститься, — вздохнула Ульяна.

— Сочувствую, — пробормотала Алёна, уже жалея, что затеяла этот разговор.

— Матушка очень переживает, что у меня подруг своего круга нет, да и замужней меня хочет увидеть, счастливой. Вот я и пытаюсь. Подружиться не вышло, но хоть для отца видимость. Это нетрудно, им главное не перечить, тогда злословить быстро надоедает. Не хочется матушку обманывать, но правда её слишком расстроит, пусть так. Ты не думай, они не такие уж плохие. Пока Людмила не появилась, тут спокойно было: мы хоть и не подружились, но и не ссорились. Яна очень из-за веснушек своих переживает, а отец сводить не велит — он из Солёного уезда сам и очень сердится, что здесь люди не понимают красоты солнечных поцелуев. У неё и матушка вся такая в крапинку. А Павлина очень молчаливая и тихая, сама в себе. Странная она, но за Людмилой хвостом начала ходить. Было ещё две девушки, но они замуж вышли, им уже не до наших посиделок. И Светлана вот теперь… Только, мне кажется, она очень ревнует, что Людмила тут надо всеми негласно встала, и злится, а спорить не может.

— Ясно. Спасибо, — пробормотала Алёна. Вот тебе и дурочка малахольная… Поболтать она любит, да только ума от этого не теряет. — Значит, нам остаётся поскорее выйти замуж. У тебя есть кто на примете? — спросила без задней мысли, но Ульяна вдруг смешалась и даже как будто испугалась вопроса.

— Нет, что ты, какое там! Кому я интересна, когда рядом такие красавицы!

Говорила она будто по писаному, но именно потому Алёна не очень-то поверила. Точно имелась какая-то сердечная тайна!

Она было собралась спросить, но одёрнула себя. Зачем в чужую душу без приглашения лезть? Самой бы небось не понравилось, если бы её расспрашивать начали? То-то же!

Алатырница опять замолкла, опять уткнулась в книгу. Только буквы вновь разбегались перед глазами, а мысли вернулись к воеводе Рубцову.

Отчего-то в голове крепко засели, а теперь вдруг вспомнились слова Светланы о русалках. И вроде умом понимала, что ничего с Янтарноглазым не случится, коли не случилось за минувшие годы, но с каждой минутой тревога крепла. А ну как именно сегодня беда стрясётся? И Алёна никак не могла понять, не то впрямь янтарь в крови чует неладное, не то она придумывает сгоряча, потому что очень хочет опять увидеть воеводу.

Алатырница прекрасно знала, что речные девы бывают разные. Вблизи Топи в чудовищ превращались не только те мертвецы, что остались без последнего благословения Матушки и достойного погребения, но зачастую и похороненные по всем правилам, так что покойников там было заведено сжигать. В бесчисленных реках и озёрах Мохового уезда водилась сплошь злая на весь свет нежить — утопленницы, самоубийцы, жертвы нашествий болотников. Сколько их сгинуло с малыми сёлами и хуторами! Южные русалки заманивали, зачаровывали, душили, топили и жрали. Власти над взрослыми женщинами и девушками почти не имели, только девочкам могли навредить, а вот мужчину при встрече с русалками очень мало что могло спасти.

Им ещё в алатырной школе рассказывали, что северные русалки куда чаще иные. Не вставшие покойницы, а водные духи, внучки Матушки и жёны водяных. Они гораздо спокойней и добрее, спасают тонущих, особенно детей, охраняют посевы от засухи и могут разве что подшутить.

По-хорошему, возле самого Светлояра нежити вообще неоткуда было взяться, не позволило бы такого ни озеро, ни его хранительница. Но Алёна за годы учёбы и время службы слишком привыкла беречься от нежити и защищать окружающих, и сейчас мысль о возможной угрозе, да ещё не абы кому, грызла её изнутри.

В конце концов молодая княгиня поняла, что так просто успокоиться не сумеет. Даже если она сейчас уйдёт в свои покои, всё равно не уснёт и, пока не увидит Рубцова живым и здоровым, от мысли этой не избавится, так что решила хотя бы попытаться всё проверить. Она не станет никому мешать, она просто глянет одним глазком на берег озера, и если всё окажется спокойно — тихонько, незаметно уйдёт. Так что она распрощалась и отправилась к себе, чтобы оставить рукоделие с книгой и взять платок: лето хоть и вступило в свои права, и днём было тепло, но ночью, тем более у воды, наверняка было ещё зябко. Да и не чета здешнее лето привычному, южному.

Степаниды в покоях не оказалось, так что объясняться не пришлось, и Алёна сочла это хорошим знаком. Идти одна она не боялась. С явными опасностями легко справится жёлтый янтарь, а неявных у озера куда меньше, чем во дворце: там никто ни гадости говорить, ни козни строить, ни травить не станет.

Дворец в темноте не затих, как деревенские дома, но жизнь тут в это время не кипела, а едва теплилась. В основном на пути попадались спешащие по своим делам слуги, один из которых без лишних вопросов объяснил девушке, как выбраться к озеру. Благо княжеские палаты стояли почти на самом берегу, идти было недалеко.

Заднее крыльцо вывело в небольшой сад, где оказалось не так темно, как могло бы: под деревьями горели светцы. Совсем немного, но достаточно, чтобы по очень точным и подробным объяснениям слуги найти выложенную крупными камнями дорожку, ведущую к воде. В нескольких саженях от крыльца светцы заканчивались и под деревьями смыкалась густая чернота, но Алёну это не беспокоило, здесь она позволила себе привычные лёгкие чары светлого взора.

У крошечной беседки вымощенная окатными камнями часть дорожки закончилась, между деревьями и густыми кустами запетляла обычная протоптанная тропа. Алёна встретила эту перемену с удовольствием, ступать по земле было гораздо приятнее. Сделала с десяток шагов и замерла, прикрыла глаза, прислушиваясь к ночи. На несколько мгновений дала себе поверить, что она сейчас где-то недалеко от дома, в родной станице, вышла за околицу вечером. Душно стрекотали бессонные кузнечики, в траве кто-то шуршал, перекрикивались птицы. Да, холоднее, и пахнет иначе, и птицы не те, но… Как же тут было хорошо!

Собачий лай заставил Алёну вздрогнуть. Точнее, не лай, отдельный басовитый гав — глухой, раскатистый, явно крупной собаки. Наверняка того неделянца, который лежал у ног воеводы, вряд ли здесь так вольно гуляли княжеские псы или нашёлся ещё один чудак, способный всюду таскать за собой охотничьего пса и приглашать его в покои.

Напомнив себе, зачем вообще вышла из дворца, Алёна неуверенно двинулась дальше, туда, где слышала собаку. Рассуждая о русалках, она совсем забыла про пса, а такой за хозяина и против нечисти пошёл бы, порода славилась храбростью, так что опасности не было вовсе. Но отчего не взглянуть ближе? Одним глазочком, издалека. И совсем не потому, что хочется ещё раз его увидеть, а потому, что нужно убедиться, что всё в порядке. И…

Ох, да кого она обманывает! Благослови Матушка, хочется увидеть, до смерти хочется! Вот и нашла повод, и никаких русалок она на самом деле не боялась. Просто до сих пор не верит, что он вправду тут!

***

Берег в этом месте был крутым, ива росла высоко над водой, но причудливо изгибалась в середине, чтобы макнуть длинные ветки в озеро. Лунный свет серебрился на спокойной глади, и та казалась бескрайней, словно море.

На изгибе дерева, купаясь в лунном свете и расчёсывая серебряным гребнем длинные белые волосы, сидела молодая девушка, одетая в одну лишь нательную рубаху до колен. Она лениво болтала ногой и, вытянув носочек, порой разбивала пальцами спокойное отражение.

Воевода сидел спиной к ней прямо на земле, у комля. Рубаха ярко белела в жидком сумраке, а тёмные штаны и сапоги — терялись, и на беглый взгляд могло почудиться, что есть только половина человека. Рядом была воткнута в сырую землю потёртая шашка, подле лежали ножны. Косматый огромный пёс сидел перед хозяином, вывалив язык и блаженно щурясь от ласки — он всегда был не против хорошо почесаться.

Устав теребить тяжёлую шкуру, мужчина взял ножны и швырнул куда-то в темноту. Силы в руке было более чем достаточно, так что снаряд только обиженно свистнул в воздухе и почти беззвучно исчез где-то в кустах.

— Шарик, апорт! Ну! Принеси!

Пёс укоризненно глянул на хозяина, но всё-таки поднялся и вяло потрусил в темноту. Невзирая на рост и массу, под кустами он пробирался бесшумно.

— Что ты, милый друг, не весел, что головушку повесил? — пропела девушка.

Голос — нежный, как звон серебряных колокольчиков. Нечеловеческий голос.

— Издеваешься? — мрачно спросил Рубцов. Грубый мужской голос в сравнении с девичьим прозвучал хриплым простуженным карканьем, и воевода недовольно поморщился. Стоило промолчать.

— Отчего же? — мягко возразила она, легко соскользнула с древесного ствола.

Гребень разбился о воду лунным бликом, с шелестом опали до того приподнятые ветки дерева и занавесили луну. Вода под узкой стопой не дрогнула, застыла, давая опору, потом поднялась мягкой тугой волной, вынесла девицу на берег. Приблизившись, она прислонилась бедром к дереву, провела ладонью по коротким волосам мужчины, совлекла ленту-повязку. От прикосновения воевода поморщился, но уворачиваться не стал.

— Грустно смотреть на тебя, Олежка.

— Не смотри, — огрызнулся он.

Девица на грубость не обиделась, только вздохнула и принялась развязывать узел ленты. Невдалеке победно гавкнул пёс, отыскав ножны, и шумно затрещал ветвями на обратном пути.

— Я же не глазами смотрю, сердцем. А его не зажмуришь.

— И после этого ты спрашиваешь, зачем я повязку ношу? — ворчливо спросил Олег. — Так хоть немного легче.

— Мне не тяжело, — возразила она. — Мне грустно. Зря я тебя, что ли, спасла?

— Выходит, зря.

Тонкие пальцы опять пробежались по коротким волосам, но на этот раз мужчина выразительно отклонился, а потом и вовсе встал. Подошёл к кстати подбежавшему псу, потрепал по широкому затылку, почесал за ушами, забрал поноску.

— Дурень упрямый, — пробормотала себе под нос девица и добавила громче, твёрдо, повелительно: — Подойди ко мне!

Олег вздохнул и обернулся. Она не злилась всерьёз, скорее ворчала, он вообще ни разу не видел её разгневанной и не знал пределов терпения. Но испытывать их не хотелось: остатки здравого смысла подсказывали, что зрелище это не для простых смертных. И тем более не для него. Кто жизнь дал, тот и обратно забрать может, наверное, так?

А пожить, что бы он ни говорил, всё же хотелось. Олег плохо понимал зачем и для чего, если каждый новый день всё серее и тоскливей предыдущего, но пока ещё держался. То ли надеялся на что-то, то ли упрямство выручало, а то ли нежелание проявлять трусость. Поэтому спорить не стал, вознамерился исполнить повеление.

Только не успел и шага сделать. На берег откуда-то из кустов сбоку, роняя на ходу шаль, выскочила девица — обычная, в сарафане, с тёмной длинной косой, а лучше в темноте не разобрать. Платок зацепился за куст и там остался.

В первое мгновение все замерли от неожиданности, даже пёс, а потом оказалось, что девица не так проста. В ладони полыхнуло яркое, жгучее, почти белое пламя, и всю девицу очертил слабый огненный ореол.

— А ну отойди, нечисть! — зло выцедила пришелица. Левая рука метнулась к поясу, впустую скользнула по узорам дорогого сарафана. Ругнулась девица так, как не пристало боярышне, и загородила воеводу собой. Во второй ладони тоже полыхнуло. — Не трожь его!

Алёна твёрдо думала поступить, как собиралась изначально: глянуть издалека да уйти. Но как услышала резкий, колдовской приказ — так и поняла, что мешкать нельзя, и бросилась на помощь. Русалки Алёна не боялась совсем, пусть и была эта русалка какой-то неправильной.

Только дальше всё пошло не так, странно. Воевода и к нечисти не пошёл, ослушался, но и назад с места не двинулся, как будто не до конца очнулся. А русалка и вовсе продолжала стоять на прежнем месте, смотрела на алатырницу со странной улыбкой и пальцами медленно расчёсывала длинные белоснежные волосы.

— Да уйди, дурень, что ты встал?! — бросила Алёна через плечо.

А русалка в ответ рассмеялась. Звонко, радостно, и алатырница, растеряв боевой задор, чуть опустила руки, да и пламя на ладонях заметно опало, хотя и не исчезло совсем.

— Вот видишь, Олежка, не я одна о тебе так думаю! — радостно заявила русалка, перебросила волосы за спину и небрежно взмахнула руками. — Убери, слепит.

Алёна ощутила сырость на коже, как будто шагнула в густой туман, и огонь на ладонях вдруг сам собой потух. Алатырница испуганно отпрянула.

— И что ты мне по этому поводу предлагаешь? — угрюмо спросил воевода, поймав едва не налетевшую на него девушку за плечи. — Да не шарахайся ты, что ей твой огонь? Эй, буратина! Ты живая? — он слегка встряхнул замершую под его ладонями девушку, развернул к себе.

Алёна ещё успела увидеть лукавую улыбку на губах странной русалки, как будто та легко поняла причину замешательства алатырницы, а после уткнулась взглядом в ворот рубахи.

Надо было встряхнуться, отступить, что-то сказать. Но твёрдые ладони на плечах жгли огнём сквозь тонкий лён, и такая робость одолела, что Алёна никак не могла поднять на воеводу взгляд. Только пробормотала растерянно:

— Бура... что?

— У меня на родине так алатырников огненных называют, — с непонятным выражением ответил мужчина, а русалка рядом опять звонко рассмеялась. — Оззи, ну что ты ржёшь? Девчонку вон совсем перепугала…

— Эту девчонку сложно напугать, — возразила та, посерьёзнев. — А я просила не называть меня этим глупым именем.

— Ты же не русалка? — тихо спросила Алёна у ворота мужской рубахи.

Обернуться бы, стряхнуть чужие ладони, снова огонь призвать, но сердце торопливо колотилось аж под ключицами, и слова давались с большим трудом.

— Не русалка, — согласилась за спиной беловолосая дева. — Озерица я, Алёнушка.

— Простите, я… — пробормотала алатырница, обмирая от стыда. Подумать только, на озёрную деву едва не кинулась!

— Эй, так это опять ты, что ли? Хорунжий пятой Моховой заставы, — сообразил воевода, попытался поймать её за подбородок, но тут Алёна стряхнула оцепенение. Рыбкой ловко выскользнула из его рук, бросила на ходу новое извинение и метнулась под деревья.

— Стой, куда тебя… — окликнул её Олег, бессознательно шагнул следом. Лежавший в стороне пёс, который на появление алатырницы и всю возню людей и внимания не обратил, на этот раз насторожённо поднял голову, двинул вислыми ушами, ожидая команды.

— Пусти, — дева озера поймала воеводу за локоть, второй ладонью махнула псу, и тот послушно расплющил морду на лапах. — Нечего за незамужней девицей по ночам по саду да по палатам гоняться, люди невесть что подумают.

— Да плевать…

— Я не о тебе, о ней беспокоюсь, — оборвала его Озерица, но локоть выпустила. — Тем более ты её узнал, и вон шаль висит, возьми, вернёшь. И ленту свою забери. Или так девица понравилась, что на минутку из глаз не выпустить?

— Ага, вроде того, — отмахнулся от подначки воевода. Но послушно подошёл к кусту, аккуратно освободил от веток платок. — Боярышень же чарам не учат, разве нет?

— Вот у неё и спросишь.

— Ладно, пойду, ночь уже. — Он махнул Озерице рукой, поднял ножны, вытер рукавом лезвие шашки, свистнул псу и зашагал в сторону дворца.

— Сладких снов, Олежек! — с весёлой улыбкой напутствовала его дева озера. — Сладких, сладких, — пропела себе под нос. — Уж я о том позабочусь.

Озерица не имела дара предвидения, над судьбами людскими не властвовала, а уж над чувствами — тем более. Алатырь хранила, озером своим повелевала, а это сила была немалая, но — иная. Над дождями и плодородными землями тоже владычествовала, но как помощница братьев — Мокролива и Пашича. Исцелить кого-то порой могла, это верно, но так редко, что каждого из таких людей старалась беречь и опекать дальше, приглядывать, как судьба сложится.

Олег был из таких, Озерица вернула ему здоровье и жизнь. Вот только душу врачевать она не умела вовсе, словами помочь не могла, и лишь с горечью наблюдала, как один из её названых сыновей губит себя по дури. Сколько она с ним говорить пыталась, занять, как дитятю малого, делом каким — всё без толку.

А тут смотри, какой подарок своими ногами прибежал! У девицы сердце горит так — глядеть больно от жара и света, и воевода явно это почуял. Вон как потянулся к ней сразу! Несколько мгновений, и кручину как рукой сняло, подобрался, нос по ветру, что волк на охоте.

Упустить такую возможность решить давнюю проблему Озерица не могла. Да, выйдет из этого что-то хорошее или нет, она наперёд не знала и знать не могла. Однако дошло до того, что любая перемена казалась к лучшему, и дева озера без сомнений решила подтолкнуть своего подопечного.

Чуть-чуть, в меру собственного разумения и возможностей, просто немного помочь Олежке не потерять интерес. Всерьёз туманить рассудок и морочить Озерица тоже не умела, чистая вода — честная вода, только правду показать может, а обманом сестрица Тумара ведала, с которой по такому пустяку путаться не хотелось. Но один маленький, крошечный сон, который совсем не нужно мешать с явью, — тут много таланта не требуется, поймать да зачаровать дрёму и слабый алатырник сумеет. Ну а подослать кому надо… зря, что ли, с ним всегда её подарок?

А вот если бы кто-то спросил Озерицу, отчего сон она выбрала именно такой, зачем решила подразнить Олежку и почему нельзя было придумать что-то иное, озёрная дева легко бы ответила: можно, но не нужно. Так ей надоело нянчиться с этим мальчишкой, за которого чувствовала себя ответственной, что если бы не жалела так — то непременно рассердилась бы. И отчего бы не отыграться на нём малой шалостью?

Глава 5. Княжеская дружина

До своих покоев Алёна долетела на одном дыхании, не заметив дороги, и платка потерянного хватилась только в конце пути. Огляделась, не видит ли кто, прижалась лбом к прохладному дереву двери, силясь остудить разгорячённую голову. Можно было бы войти, но вдруг Степанида вернулась? Точно ведь спросит, что случилось, а ответить спокойно и неправду алатырница сейчас не могла.

Совершённая глупость жгла стыдом. Ну как можно было саму Озерицу с обыкновенной русалкой спутать? Ведь не похожа совсем! Испугалась за воеводу, и все наказы Вьюжина из головы вылетели. Да как тут в стороне остаться, когда он в опасности?! Благо озёрная дева не рассердилась...

Колола изнутри ежом глупая ревность. О чём воевода с Озерицей говорил? Для чего пришёл на берег? Уж не любовь ли к деве озера заставляет его так тосковать? Говорят же, порой духи снисходят до простых людей, но радость та коротка и горечью кончается… И от этих мыслей становилось нестерпимо стыдно — и перед ним, и перед ней.

Но сильнее прочего душу бередило согревшее через рубашку тепло чужих рук. Он ведь почти обнял её, и сердце от этого воспоминания сладко замирало в груди.

Алёна обхватила себя руками за плечи, сжала, глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться и унять торопливый стук в груди. Сердце, глупое, так трепетало, словно возлюбленный в ответных чувствах признался, а не чужой человек чуть придержал для своего удобства. Сердцу было не объяснить.

Постояв у двери, алатырница немного взяла себя в руки и заставила шагнуть через порог, а то не хватало, чтобы её кто-то посторонний такой встрёпанной увидел! Лучше уж пусть Степанида.

Та нашлась в покое. Спросила, поверх книги глядя на молодую княгиню, где пропадала, но удовлетворилась коротким ответом, мол, свежим воздухом вышла подышать, всё хорошо. Не поверила, кажется, но смолчала, проводила взглядом в опочивальню.

Только там, оставшись в одиночестве, Алёна смогла окончательно перевести дух.

Если подумать, она почти и не соврала Стеше: ничего не произошло. Во всяком случае, такого, что могло бы навредить порученному Вьюжиным делу. Ну узнал Рубцов, что она алатырница, так и что? Она ему и про службу свою сболтнуть успела, тайной больше, тайной меньше… Языком чесать воевода не станет, это она знала твёрдо, Озерица тем более всё про всех ведает, от неё пытаться дар прятать — верх глупости и самонадеянности.

А вот то, что произошло с нею самой и никого постороннего не касалось, так просто выкинуть из головы не выходило. И вроде не девица, не боярышня скромная, парней не сторонилась, но вот так замирать и млеть от одного простого прикосновения ей прежде не доводилось.

Кажется, за минувшие годы её чувства только окрепли. Затихли внутри и, когда Рубцова не было рядом, почти не напоминали о себе, отдавались лишь светлой грустью воспоминаний. Да только влюбиться вновь не позволяли: она всё сравнивала парней с воеводой, и всё не в их пользу. Умом она и тогда, и сейчас понимала, как глупо влюбляться в того, кого видела своими глазами всего раз, кого себе без малого придумала. Только это не мешало сердцу трепетать и обмирать, стоило вспомнить встречу на берегу озера.

Алёна прежде не задумывалась, а Олег, оказывается, очень высокий, она ему и до подбородка макушкой не доставала. И плечи широкие. И ладони твёрдые, горячие. Может, глупости всё, что про него говорят? Преувеличивают по злобе, и не так уж он…

На этом месте мысль запнулась, потому что Алёна вспомнила то, на что поначалу и внимания не обратила: шашка, воткнутая в землю, и ножны в зубах пса. Никогда воин такого не допустит, ни за что на свете! Но руки-то верные, сила в них есть… Как же так?

Запоздало вспомнилось, что воевода был без повязки на лице, и она отругала себя, что не разглядела. Стояла совсем рядом, но так и не решилась посмотреть ему в лицо. Заметила только мельком, что глаз точно целый, но зачем его закрывать? Может, просто незрячий, с бельмом?..

Алатырница заставила себя переодеться ко сну и лечь в постель, но уснуть никак не получалось. Она перебирала в голове мысли и переживания, а перед глазами въяве стояла простая белая рубаха без шитья по вороту, обрисовавшая широкие плечи. Всё сильнее Алёна корила себя за нерешительность — не посмела коснуться, поднять взгляд, да даже заговорить толком не смогла! Мямлила едва слышно, отчаянно стеснялась, а теперь лишь в воображении дорисовывала то, что могло бы быть.

Сначала в мыслях, а потом и во сне, потому что, когда она забылась, почти ничего не изменилось. Только во сне она не сбегала, а зажмуривалась, когда он поднимал её лицо за подбородок, чтобы поцеловать. Но и поцелуя не следовало, сон смешивался, и то воевода куда-то пропадал, то сама она вдруг бежала по какому-то дикому лесу и ветки стегали по лицу, то хохотали вокруг русалки, увлекая её в свой хоровод.

От мутного сна Алёна просыпалась несколько раз за ночь, и до рассвета ещё открыла глаза с пониманием, что выспаться не выйдет. Да и не только выспаться: сердце вновь трепетало так, словно она только-только сбежала с берега.

Алатырница выбралась из постели, прошлась босиком по остывшему за ночь полу. Сна не осталось ни в одном глазу, да ещё сила внутри била ключом и искала выхода: жёлтый янтарь не любит неволи, ему надо свободно пылать, ему воздух нужен, иначе задыхается и злится. И так было маетно, а из-за того, что силу никак не выходило успокоить, ещё и буквально нехорошо — поташнивало, голова кружилась.

Такое своё состояние всерьёз встревожило Алёну, и она решила обратиться за помощью, выглянула в смежную комнату.

— Стеша, ты спишь? — позвала тихо.

— Уже нет, — ворчливо откликнулась та. Рыжая уместилась на лавке, кажется, вполне удобно, так что ни вставать не спешила, ни даже глаза открывать. — Чего тебе, горемычная, понадобилось? Ещё первые петухи не пропели.

— Маетно, — честно ответила Алёна, прошла в комнату и забралась с ногами на ближайший стул. — Огонь внутри злится. Я боюсь, что не смогу его больше прятать.

На этих словах Степанида всё-таки села на своей постели, окинула Алёну цепким взглядом, нахмурилась.

— И впрямь. Беда с тобой…

— Прости, — повинилась та. — Как теперь быть?

— Да мы тоже хороши! — вздохнула Стеша. — Не подумали. Молодая, горячая кровь, какие уж тут прятки… Вот что, надо тебе жар немного остудить, видать засиделась ты в четырёх стенах. У старухи княгини небось тоже не выходила? Так и сидела подле её юбки?

— Да. Велели же учиться. А как его остудить? Пойти к озеру да просто огонь выплеснуть?

— Ну да, чтобы вся стража на твои чары набежала, злодея ловить, который на князя и покой дворцовый покушается, — недовольно проворчала Степанида. — Нет. Тут не обязательно живому огню выход давать, разные способы есть. Например, любовника можно найти надёжного, проверенного, чтобы не болтал, но ты ж небось не согласишься? — усмехнулась она хитро, как будто проверяла.

— А какие ещё есть способы? — поспешно спросила Алёна, надеясь, что торопливость эту спишут на гордость и упрямство, а не на то, что слишком легко ей вспомнился один такой, желанный да надёжный.

— Разные, — вздохнула Стеша, кинула взгляд на окно, за которым серели сумерки, рассеянно потеребила хвост косы. — Ладно. Раз ты росла в деревне, привольнее городских барышень, может у тебя и слабость быть. Ты же хорошо в седле держишься?

— С трёх лет! — не без обиды заверила Алёна.

— И впрямь, кого я спрашиваю! И сегодня как раз среда, оно и к лучшему будет... Одевайся. Штаны, сапоги, рубаху короткую, небось не забыла? — усмехнулась она. — И сарафан поверх надень, нечего по дворцу шататься в мужском!

— Я мигом! — Алатырница соскочила со своего места, кинулась к двери в опочивальню, где лежала её сумка, но на пороге обернулась. — А отчего к лучшему, что сегодня среда?

— Одевайся, кому сказала! — Степанида, которая уже выбралась из-под одеяла, топнула ногой, и Алёна послушно юркнула в спальню. Вдруг Стеша разозлится и передумает?

А вскоре она и вовсе выкинула лишние вопросы из головы, предвкушая хорошее утро. Отчего Степанида вдруг смилостивилась, её не очень беспокоило, главное, что решение нашла, да какое!

Одеться много времени не заняло, дольше алатырница провозилась, укладывая косу вокруг головы. Под платком всё одно особо не видно, а в седло с вольной косой лезть — без головы остаться можно.

Идти в этот раз пришлось далеко, да ещё вкруг: по дворцу Стеша свою подопечную не повела, девушки выбрались наружу через узкий проход для слуг и чёрную лестницу. Сад просыпался и чирикал на разные лады птичьими трелями, но его обошли по краю и двинулись дальше. Мимо непонятных сараев и каменных построек, мимо птичника и скотного двора, расположенного от дворца поодаль, мимо конюшен — к большому открытому загону, засыпанному песком. Земля там была неровной: где-то зияли широкие пологие ямы, где-то на низких столбах держались перекладины, вдоль дальней части тянулся ряд соломенных чучел.

— Матушка, кого ты мне послала! — Степанида выразительно закатила глаза и подхватила спутницу за локоть, чтобы протащить дальше. — У девок так глаза горят при виде каменьев самоцветных, шитья золотого или уж хотя бы молодцев добрых, а эта ещё до лошадей не дошла, уже чуть не приплясывает! Чую, пущу я козу в огород...

— Ты сама предложила! — возразила Алёна и сама ускорилась, сообразив, что идут они к ещё одной конюшне. В пройденной, наверное, княжеские да боярские лошади стояли, а здесь — дружинные.

— Остап Егорыч! — крикнула Степанида, приблизившись к воротам. — Остап! Да где ж его носит?..

Искомый Остап Егорович, щуплый мужичок с хитрыми глазами и лысой головой под круглой шапкой, нашёлся за конюшней, у колодца, откуда он тягал воду — наверное, коней поить.

— Вот ты где!

— А вам-то, девки, чего понадобилось? — обернулся он к пришелицам. — Ну-ка брысь отсюда! Сейчас парни прибегут, никакой с вами работы не будет!

— Не ной, а поди сюда, — властно оборвала Степанида.

Но подошла сама, поманила пальцем, шепнула несколько слов на ухо и быстро показала какой-то знак-подвеску, вытянув его из ворота рубахи. Спрашивать, что за тайны, Алёна не стала, ясно же, что рыжая — не простая сенная девка. Небось, лично Вьюжина или Разбойного приказа какой-то знак, особый. Своими глазами их алатырница не видела, но слышала, что есть такиезначки с гравировкой и княжеской печатью, их в Разбойном приказе сыщики носили.

— Кхм. Ну коли так, — крякнул конюх. Сбил шапку на затылок, поскрёб лоб, обвёл рыжую странным взглядом. — Ну коли надо… А чего надо-то тебе?

— Лошадку бы, девушке вот покататься.

— Покататься? — Остапа Егоровича мало что не перекосило. — Ну пойдём, подберём тебе кобылку поспокойней…

— А можно я сама выберу? — попросила Алёна, понимая, что видит перед собой конюх и какую кобылку даст.

Он хотел возразить, но запнулся о насмешливый Стешин взгляд и махнул рукой.

— А, бери что хочешь! Только шею свернёт твоя девушка — меня не вини. В левом проходе по левую руку двоих не бери, один дурак совсем, его только под оглоблю ставят, когда отвезти что надо, а рыжий хромает, лечим. И последнего в том же ряду не бери, хозяйский он. Уздечки вон при входе висят, бери любую да выводи седлать.

Последнее было сказано с насмешкой, Остап Егорович явно ждал возможности потешиться, как боярская дочка выбранного коня взнуздывать будет, но бахвалиться Алёна не стала. Молча кивнула и прошла в конюшню, где первым делом сняла сарафан и скинула платок, чтобы повесить их рядом с уздечками — нечего по конюшне хорошую вещь тереть. Выбрала сбрую и пошла знакомиться. Со всеми, включая запретных.

Дурак оказался пегим и злющим, рыжий выглядел грустным и напрашивался на ласку. Алёна пожалела, что не взяла с собой никакого лакомства, чтобы к незнакомому коню подлизаться, ну да уж чего не было — того не было.

Поглядела на хозяйского, он оказался чудо как хорош — вороной, грива блестящая, волосок к волоску, шерсть лоснится, мощный, тонконогий. Кто бы ни был его хозяин, а в лошадях он толк знал, да и заботился о своём товарище от души. На этом красавце Алёна бы точно не отказалась покататься, но прямой запрет нарушать не стала. Мало ли кто там хозяин!

Мелькнула мысль, уж не рыжий ли воевода, но её алатырница поспешила отогнать и отошла от коня, двинулась по соседнему ряду. К некоторым заходила в денники, чтобы вблизи осмотреть стати и оценить норов. Выучку так не понять, но Алёна надеялась, что среди дружинных лошадей негодящих не держат.

Выбрала в итоге шестилетнего рыжего жеребчика, который мордой почему-то напомнил Остапа Егоровича. Конь казался дружелюбным и игривым, а там уж оставалось уповать на везение.

Конюх, увидев, кого незваная гостья вывела, вздохнул:

— Как есть убьётся!

— Как его зовут? И что про него надо знать? — спокойно спросила Алёна, когда мужчина вернулся с остальной сбруей.

— Зовут его Алтыном. Конь добрый, умный, только ошибок наезникам не прощает. Может, другого глянешь, а? — Остап Егорович смерил девушку новым взглядом. Правда, больше любопытным, чем недовольным. Всё-таки с уздечкой она управилась легко, коня держала уверенно, а без сарафана, в сапогах, штанах и подпоясанной рубахе казалась уже не такой смешной.

— Ничего, мы договоримся, — заверила Алёна. — А где Стеша?

— Ушла, сказала, сама за тобой придёт. Пойдём, ворота открою. Ох, доведут они меня когда-нибудь…

— Кто они? — полюбопытствовала девушка.

— Вы, — буркнул конюх.

Остап Егорович остался у забора поначалу из беспокойства. Приказ — он и есть приказ, но не хотелось, чтобы девчонка взаправду покалечилась. А потом осталось только восхищённо присвистнуть, опять сбив шапку на затылок: в седле пигалица держалась не хуже дружинников, и даже получше многих.

Вскоре стали собираться и парни. Большинство вели коней в загон молча и занимали своё место в смене, лишь искоса поглядывая на странное явление — тренировку никто не отменял, не до развлечений, а держалась незнакомка хорошо и мешаться под ногами не должна была. Кое-кто присвистывал заинтересованно и окликнуть пытался, а самый ретивый поравнялся с девчонкой, чтобы познакомиться, но быстро получил от старшего товарища кнутовищем поперёк спины — не больно, но обидно. А правильно, нечего строй нарушать!

— Дядька Остап, а это кто ж такая? — живо спросил молодой хозяин вороного жеребца, прибывший в числе последних.

— Да почём я знаю! — отмахнулся тот. — Из дворцовых, пришла — дай, говорит, покататься, я умею. Ну и вот. Кто ж знал, что и вправду умеет! Дмитрий, ты за парнями пригляди, чтоб не забижали, а? Сейчас-то не полезут, а после житья не дадут. Поперёк твоего слова-то не осмелятся.

— Вот уж будь спокоен, постерегу! — хохотнул тот и присоединился к остальным.

Вся княжеская сотня, сторожившая дворец, конечно, одновременно тут хороводить не могла, упражнялись десятками. Сейчас был черёд первого, в котором десятником значился наследный княжич Дмитрий, и к делу своему он подходил ответственно, за что его в дружине уважали и любили.

Остап Егорович даже и не удивился, когда в десяток странная девчонка уместилась как родная. Она и команды все знала, и строй держала, а уж когда джигитовка началась — тут конюх и дивиться устал, потому что многого княжеские дружинники повторить не могли вовсе. Оно понятно, у них и надобности нет таким вот выкрутасам учиться, но где этому научилась чернявая пигалица, он и предположить не брался. Что к чучелам не поехала — это её снова с лучшей стороны показало. Прыти в ней много, а вот силёнок не как во взрослом воине. Зато с самострелом управлялась ловко, на равных.

— Это что у тебя за отрок такой прыткий появился? — Прозвучавший рядом голос заставил конюха дёрнуться и обернуться.

— Тьфу! Чего подкрадываешься, чернуков выкормыш? Ишь, нарисовался с ранья! Честь нам какая, сам первый княжий воевода пожаловал! — разворчался Остап, вновь возвращаясь взглядом к всадникам.

— И тебе здравствуй, — не обиделся тот, облокотился о забор рядом. — Кто таков-то? Вон этот, за княжичем скачет. Ловкий мальчишка.

— Совсем глаза пропил, — буркнул конюх. — Какой это тебе мальчишка? Девчонка это. А откуда — и сам не знаю.

— Ну ладно тебе, чего взъелся? Не с той ноги встал? — поморщился воевода.

— Да на тебя у меня вообще зла не хватает! — отмахнулся Остап. — Ты сам когда последний раз шашку в руке держал? А на коня садился? Небось на рысях кулём свалишься! Во-е-во-ода, — протянул презрительно.

— Положим, вот так я никогда и не умел, — возразил Олег. — Сам говорил, в двадцать с лишком на коня первый раз садиться — ничего путного не выйдет. А вот на кулаках со мной слабо потягаться? То-то же. Тут уж кто чему учился.

— Пять лет назад, может, и слабо было бы, а сейчас не уверен. — Конюх ответил недовольным взглядом искоса. — Совсем дурной стал, смотреть тошно. Хуже князя.

— А князь-то тебе чем не угодил? — опешил воевода. — Или тоже с дружиной должен на коне скакать да шашкой махать?

— Должен! — непримиримо заявил Остап. — А он в кораблики играется! Как мальчишка со щепочкой у вешнего ручья! — Он ругнулся и сплюнул под ноги. — Хорошо, наследник парень ладный. Вон как ловко с шашкой управляется!

— И кто из нас ещё что пропил! — вздохнул Олег. — Ты чего разворчался-то, не пойму? Ха! Слушай, а знаю. Ревнуешь.

— Чего? — опешил конюх, даже шапка вместе с бровями приподнялась. — Чего это ты выдумал? Чего я ревную?

— А то, что девка эта половчее любого из твоей любимой первой сотни будет, это даже мне видно, — довольно ухмыльнулся воевода. — Вот тебе за них и обидно.

— И чего это мне обидно? И ничего мне не обидно! Мне за Белогорье обидно, что князь у нас непутёвый и воевода первый ему под стать!

— Глупости говоришь. Если князь будет на коне скакать, Белогорьем кто управлять станет? — возразил Олег. — Нет, Ярослав всё по уму поставил. Каждый своим делом занят. Князь княжит, законами занимается, ты вон кобылам хвосты крутишь, я… — он запнулся, тут же пожалев, что вообще себя помянул, потому что Остап не замедлил сесть на прежнего конька.

— Горькую пьёшь от безделья. Был бы моим сыном, так бы отходил тебя хворостиной, мало не показалось бы! И не посмотрел, что здоровый лоб!

— Но ты не мой отец, — резко осадил его воевода — больше не голосом, который прозвучал ровно, а злым, острым взглядом.

— Ну ладно, не серчай, — тут же пошёл на попятный Остап. Вспомнил, что на слова о родителях Олег всегда отвечал зло и грубо. Причины конюх не знал, но ясно — не от большого счастья. Померли, видать, вот и горюет. — Чего тебя впрямь так рано-то принесло?

— Не спалось, воздухом подышать решил, — криво усмехнулся Рубцов, рассеянно потёр загривок, поскрёб щёку.

То есть правды не сказал, это Остап по нему тоже хорошо помнил. Врал первый воевода совсем плохо, когда что-то скрывал — вот так дёргаться начинал, будто блохи его едят. Но конюх хмыкнул и в душу не полез, всё равно ж не ответит.

Правильно рассудил, не рассказал бы. Но и не так уж соврал, если разобраться. Спалось ему как раз хорошо, и сны ого-го какие снились, но после такого осталось только влезть под холодную воду, чтобы смыть пот и иные последствия уж больно яркого сна, а главное — голову остудить. Ну а после — только воздухом дышать, где уж там досыпать. Давненько ему не являлись во снах нагие девы, а уж так, чтобы девы знакомые, да ещё чтобы сразу в вечер знакомства, да ещё в столь откровенных видах, — и вовсе никогда.

Когда кругом полно всевозможной нечисти и прочих колдовских созданий, часть которых Олег так и не выучил, а о части и вовсе не слыхал, хочешь не хочешь — а взрастишь в себе осторожность, невольно выискивая в любой странности колдовской след. Однако даже со своей взлелеянной подозрительностью воевода дурного не заподозрил, тут Озерица очень ловко подстроила.

Олег только взбодрился да посмеялся над своей неловкостью. Ничего странного он в таком сне не нашёл. Ну сколько он без женщины, пару лет? А тут эта чернявая…

Отношения с женщинами у него во дворце складывались странно. Поначалу льстило внимание весёлых вдовушек и неверных жён, которые с известной целью липли к нему, словно мёдом было намазано. Казалось забавным видеть их насквозь, их простые и понятные желания, их самодовольство и глубоко запрятанную снисходительность — ему от них тоже многого было не надо. Девиц же избегал всеми правдами и неправдами, потому что их желания простирались дальше, их толкали тщеславие и жадность, а жениться он точно не собирался. И в тех и в других виделось столько дряни, что никакого желания знакомиться ближе не вызывала ни одна. А чистых и светлых душ он избегал уже с другой целью: не хотелось портить кому-то жизнь из-за собственной сиюминутной прихоти.

Потом стало совсем уж тошно от этих лиц и этих желаний, и он начал захаживать к продажным девкам, в Китеже была целая улица Косая, вдоль которой они жили и работали. Это было честнее: вроде мысли и желания те же самые, но никто их прятать не пытается. А ещё, на удивление, приятней, потому что среди них попадались гораздо более искренние особы, чем боярыни во дворце.

К одной такой — глупенькой, но весёлой, которая от души любила свою «работу», — Олег ходил довольно долго. Пока она в какой-то момент не пропала, а другая разбитная красотка честно сдала товарку, сообщив, что та лечится от дурной болезни, и когда долечится — непонятно. Благодаря дару Озерицы к воеводе никакая зараза не липла, но вдруг запоздало проснулась брезгливость, и всякое желание посещать Косую улицу пропало. Вдовицы к тому времени нашли себе новые увлечения, только какие-то отдельные упорные девицы попадались, но их отвадить было несложно, главное — рыкнуть позлее.

Олег находил забавным, что, оглядываясь назад, и сам понимал, как оказался там, где оказался. Всё как в сказке: воду прошёл, огонь прошёл, а медные трубы провалил с треском. Льстило внимание и обожание, нравилась привольная сытая жизнь. Потом незаметно отдалились те, кто был в этих чувствах искренним, а он и держать не стал — видел ложь, видел притворство оставшихся, только тогда почему-то всё это не волновало. А потом стало, и разогнал от себя остальных.

И остался один на один с воспоминаниями. Оказалось, он очень многое мог вспомнить, только вот приятного среди этого попадалось маловато.

Был ещё, конечно, Шарик, добрый верный пёс, который вздыхал над непутёвостью хозяина и клал на колени тяжёлую лобастую голову, проникновенно заглядывая в глаза. Но Шарик помочь не мог, а вот вино — помогало. Ненадолго, потому что дар озёрной девы оставался при Олеге и даже напиться толком не позволял, не говоря уже о том, чтобы спиться, но оно хоть время убивало. Пил бы что покрепче, но крепкое имело такой мерзкий сивушный привкус, что от одного его ещё тошнее делалось.

Летом было ещё ничего, летом можно было на весь день уйти в лес или на озеро, и время проскакивало незаметно. А вот по зиме — хоть вешайся, да ещё озёрная дева в это время дремала вместе с одетым в лёд Светлояром, на разговор шла редко и неохотно.

Порой, обычно стараниями Озерицы — единственной, кто не отвернулся и кого он сам не оттолкнул, — Олегу становилось стыдно, и он задумывался, что так жить нельзя. Но путных идей в голову не приходило, мысль опять забывалась, и каждый новый день становился унылым и привычным отражением предыдущего.

После всего этого было глупо удивляться, что появление в его однообразной затворнической жизни чего-то нового так запало в душу, что вчерашняя девица даже приснилась. В первый раз, когда она вбежала в Моховой покой, который давно все, кроме слуг, обходили десятой дорогой, он толком и не понял, отчего не рыкнул на незнакомку. Ну ошиблась и ошиблась, на шею не полезла — и то ладно. И из головы он её выкинул тогда очень легко.

Зато во вторую встречу наконец рассмотрел то, что давно отвык видеть в людях. И только там вспомнил, отчего ему так легко и спокойно рядом с Озерицей. Совсем не из-за её природы и не оттого, что он ей жизнью обязан, нет. Свет не свет, тепло не тепло, но что-то приятное, согревающее душу ощущалось от них обеих. Искренность. Чистая, яркая душа, какие он разогнал от себя в первую очередь. А теперь вот невольно ухватился, встретив.

— Ишь ты! — Олег негромко присвистнул, когда привлёкшая внимание своей ловкостью девушка рысью проскакала мимо. И не удивился, узнав в ней ночную грёзу.

Грёза при свете дня была ещё лучше, чем вечером, и даже лучше, чем ночью. Раскраснелась от скачки, волосы слегка растрепались, конец косы выбился из короны и шею щекочет. Талия тонкая, гибкая, а ноги… ух! Давно он девушек в штанах не видел, не принято у них тут при дворце, срамом считается. И от такого зрелища опять опалило жаром, сны вспомнились ярко и живо, и осталось только порадоваться, что рубаха длинная и никто ничего не заметит. Одно дело наедине с собой, но позориться перед посторонними совсем не хотелось.

Но наваждение схлынуло быстро, стоило увидеть, как с девушкой поравнялся наследник и завёл о чём-то разговор. На место восхищения и желания пришла досада, хорошо остудившая голову.

Это была не ревность, просто Олег не любил старшего княжича. Не за что-то определённое, он и не знал его почти, не видел в нём особой гнили и черноты, а Дмитрий с воеводой держался уважительно и вежливо. Дело было в самом Олеге, сквозили в этом отношении отголоски прошлой жизни, прошлых обид и унылой застарелой зависти. Золотой мальчик, рождённый с серебряной ложкой во рту — так, кажется, про таких говорят? Обласканный любимец всего дворца, надежда Белогорья, отцовская отрада...

— Никак, глаз положил? — Конюх недобро глянул на Олега.

— Тебе что за печаль? — Воевода пожал плечами. — Или вон для него бережёшь достойную пару?

— А хоть бы и так. Перейдёшь княжичу дорогу, так князь этого уже не спустит.

— Остап, не пори горячку. Сам ты на неё смотришь тоже в желании княжичу дорогу перейти? Хороша же, что мне теперь, зажмуриться?

— Извини, сгоряча ляпнул, — через мгновение признал конюх. — Зол я на тебя, Олег, давно зол. Только ты, почитай, уж года три сюда не заходил, чтобы с тобой по душам поговорить. Аж странно, что сейчас явился...

— А проку со мной говорить? — усмехнулся воевода. — Оставь. Пойду я, не буду тебе глаза мозолить. Бывай. — Он свистнул пса, развалившегося неподалёку в тени, и двинулся прочь.

— Олег! — окликнул его Остап Егорович через несколько шагов и добавил, когда обернулся: — Вечером приходи. Я тебе коня свежего придержу. И только попробуй не явиться! Ты меня знаешь… — добавил, когда воевода усмехнулся, неопределённо махнул рукой и продолжил путь куда-то в сторону озера.

Знал, конечно. Знал, что Остап только на словах такой суровый, а на деле над каждой лошадью своей трясётся, и дружинники ему все как родные, и ничего он воеводе не сделает, если тот не явится. Но всё-таки задумался. А отчего бы и не прийти? Будто у него дел слишком много! Лошади — они похуже собак, но всё же и не люди, с ними несложно.

Да и завидно, честно сказать, стало. Как обычно, когда Олег наблюдал за джигитовкой местных опытных наездников, сразу хотелось как они. Мол, а он-то чем хуже? То есть Остап в первый же день знакомства объяснил чем, на двадцать лет раньше стоило начинать, но всегда просыпалось упрямство. Вот и сейчас. Чернявая Алёнка столь лихо в седле сидела, словно родилась так. А уж когда свешивалась до земли, а то и под брюхо лошади на всём скаку — вообще хоть отворачивайся, чтобы не представлять в красках, что копыто лошади с человеческим лицом сделать может. И ведь не боится, пигалица! А он чего трусит?

***

Когда на поле начали выезжать дружинники, Алёна встревожилась — как отнесутся? Всё-таки порядки у них тут другие. К тому же десятник их оказался слишком молодым, да ещё хозяином вороного жеребца — явно птица высокого полёта. Но волнения оказались напрасными. Даром что совсем молодой, но дело десятник знал, остальные его уважали и слушались, а лишнего всадника быстро взяли в свой хоровод. И алатырница с каждым кругом с облегчением ощущала, как успокаивается внутри пламя, как становится свободнее, словно с неё невидимые оковы снимали.

А в конце, когда шумно дышащих лошадей вышагивали, десятник поравнялся с ней. Был он ладен и очень хорош собой — волосы что чеканное золото, а глаза серые, внимательные. Держался уверенно, знал и стать свою, и что девицам нравится. Однако и без лишнего нахальства, чем сразу вызывал уважение и приязнь.

— Лихо ты! — похвалил десятник. — Где ж такому научилась?

Вопроса этого она ждала и даже объяснение придумала:

— Я же в деревне росла, что там развлечений? У нас конюх был, он и воспитывал, а нянька не спорила. Она из дома почти не выходила, не видела толком, чему меня учат.

— И чьих же ты будешь, такая ловкая? И кто?

— Алёна меня зовут, князя Краснова внебрачная дочь. А ты?

— А я княжий десятник, Дмитрием звать, хочешь — Митькой. Так это, стало быть, о тебе девки гудят? — усмехнулся он.

— Может, и так, — равнодушно пожала плечами алатырница. На девок этих она вчера насмотрелась, и что они там о ней думали, её не интересовало совсем. — А ты так-таки простой десятник? Молодой, да с дорогущим жеребцом, которого никому брать не велено?

— Ну, не простой, только ты же сейчас глупости говорить начнёшь… Княжич я старший, Ярослава сын. — Парень глянул искоса, с любопытством и насторожённостью, ожидая, как поступит.

Алёна ответила таким же испытующим взглядом — не врёт ли? Но в старшего княжича верилось куда легче, чем в простого десятника. А ещё, если присмотреться, можно было заметить сходство с отцом. Не на одно лицо, но глаза точно его, да и стать, и волосы.

— Это какие такие глупости я должна говорить? — спросила она.

— Не знаю. Обычно говорят, — светло улыбнулся Дмитрий. — Как же, мол, так, не бережёшь себя, надёжа наша! — кривляясь, передразнил он кого-то, Алёне неизвестного.

— Ты же княжич, это твой долг — военное дело знать. А если всю жизнь в покоях прятаться, так кто уважать будет? Ярослава Владимировича за то в войске ценят, что от встречи с болотниками не бежал, а если князь трус — какая ему вера?

— Ты прямо как дядька Остап говоришь, — усмехнулся княжич и кивнул на стоящего у изгороди конюха. — А как же другие науки, если военная впереди всех?

— Ну это уж тебе виднее, — не поддалась на подначку Алёна. Ещё она княжича, которого с младых ногтей к тяжёлой ноше готовят, его делу учить будет! — А я то говорю, что простые люди думают.

— Не сердись, Алёна. Расскажи лучше, как тебе здесь, во дворце? Не обижают?

Алатырница поначалу держалась осторожно и отстранённо, но дружелюбие и открытость княжича подкупали, и вскоре она с удовольствием втянулась в разговор, тем более тот быстро вернулся к вещам интересным и безвредным — о лошадиных статях и умениях наездников. Тут главное было не проговориться о деде и станице. Но потом ничего, освоилась, тем более знатоком Дмитрий был отменным. Нахваливал вороного, но тут Алёна только кивала — сама она к другим лошадям привыкла, в деле таких красавцев не видела, оставалось только верить хозяину. Прыгал вороной отлично, выучен был на славу и слушался хорошо, а всё остальное только в поле узнать можно.

От лошадей перешли к охотничьим собакам, но в них девушка понимала гораздо меньше, как и в охоте вообще, так что могла только рассказать чужие байки. Княжич понятливо не стал надоедать, хотя клятвенно пообещал взять новую знакомую на охоту, которую собирался устроить после Озерицы. Алёна не так уж стремилась познакомиться с этим развлечением, но возражать не стала. Зверей бить никто не заставит, а покататься верхом по лесу она была совсем не против.

Общество наследника помогло ещё в одном: остальные дружинники даже подходить к ней не стали, не то что вопросы задавать. Ни на тренировочном поле, ни потом в конюшне. Обихаживали лошадей всадники самостоятельно, это тоже было понятно и привычно, так что от предложенной задумчивым конюхом помощи Алёна отказалась, а больше никто и не полез.

Закончив с конём, она и умылась вместе с остальными на заднем дворе, у колодца. Княжича не было, но дружинники продолжали держаться вежливо и отстранённо, что её вполне устраивало. Кто-то полил алатырнице на руки из ковша, кому-то она полила, потом прошла через конюшню и надела сарафан, набросила на плечи платок. Очень хотелось помыться целиком, но для этого надо было вернуться в покои, в предвкушении чего Алёна и вышла на двор

скорым шагом. Там у ворот обнаружился княжич, явно поджидавший её, а ещё честно вернувшаяся за подопечной Степанида.

— Ну что, накатались? — заговорила рыжая, шагнув к ней. — Пойдём, я…

— Поди прочь, девка, — резко оборвал её княжич, также приближаясь. — Я сам твою хозяйку до палат провожу и пригляжу, чтобы никто не обидел. А ты ступай, ступай, чего смотришь?

Алёна на мгновение замерла, замешкавшись с ответом. Не ожидала, что княжич вдруг соберётся её провожать, но главное, уж больно внезапной вышла перемена — только что он тепло улыбался и казался приятным, обходительным, а тут вдруг — и взгляд холодный, сверху вниз, и голосом впору воду студить. Таким он на наследника великокняжеского престола походил куда больше, чем весёлым десятником и этаким рубахой-парнем, но Алёна успела привыкнуть к последнему и не ожидала такой перемены. Стеша, однако, и взглядом не показала удивления или недовольства, как и положено служанке, поклонилась в пояс.

— Как прикажете, ваша светлость, — ответила княжичу. — С вашего позволения, ваше сиятельство, буду в покоях ждать, я вам свежее платье приготовлю, переодеться, — обратилась к Алёне, а после преспокойно направилась в сторону дворца.

— Пойдём? — мягко улыбнулся Дмитрий, в мгновение ока опять превращаясь в того, с кем Алёна только что с удовольствием разговаривала о разном.

Алатырница кивнула и сделала вид, что не заметила предложенной руки, просто зашагала рядом. Возникшее было очарование улыбкой и обхождением княжича столь же быстро развеялось. Сердиться на него всерьёз не выходило: будущий князь, высокородные с детства привыкали с чернью разговаривать вот так, какой с него спрос! Но и легко держаться уже не могла, ощущая неловкость. Она-то сама временно княгиня. И что же выходит, Дмитрий с ней временно столь уважительно держится, а как станет опять обыкновенной станичницей — тоже превратится в «девку-поди-прочь»? Не то чтобы её пугала или всерьёз волновала эта перемена, ровней наследному княжичу она себя не мнила, да и неприятно было не столько из-за него, сколько…

Алёна особенно остро почувствовала сейчас, что занимает чужое место и притворяется той, кем никогда не станет. И вроде её желания никто не спрашивал, но — вот же досада! — стыд за обман испытывала именно она.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.